Иван Добрев

ЕТНОНИМЪТ ХУНК-ХУНГАР КАТО САМОНАЗВАНИЕ НА АТИЛОВИТЕ И АСПАРУХОВИТЕ БЪЛГАРИ

Ivan Dobrev

THE ETHNONYM HUNK-HUNGAR AS SELF-APPELLATION OF THE ATILLA AND ASPARUH BULGARIANS

Предисловие

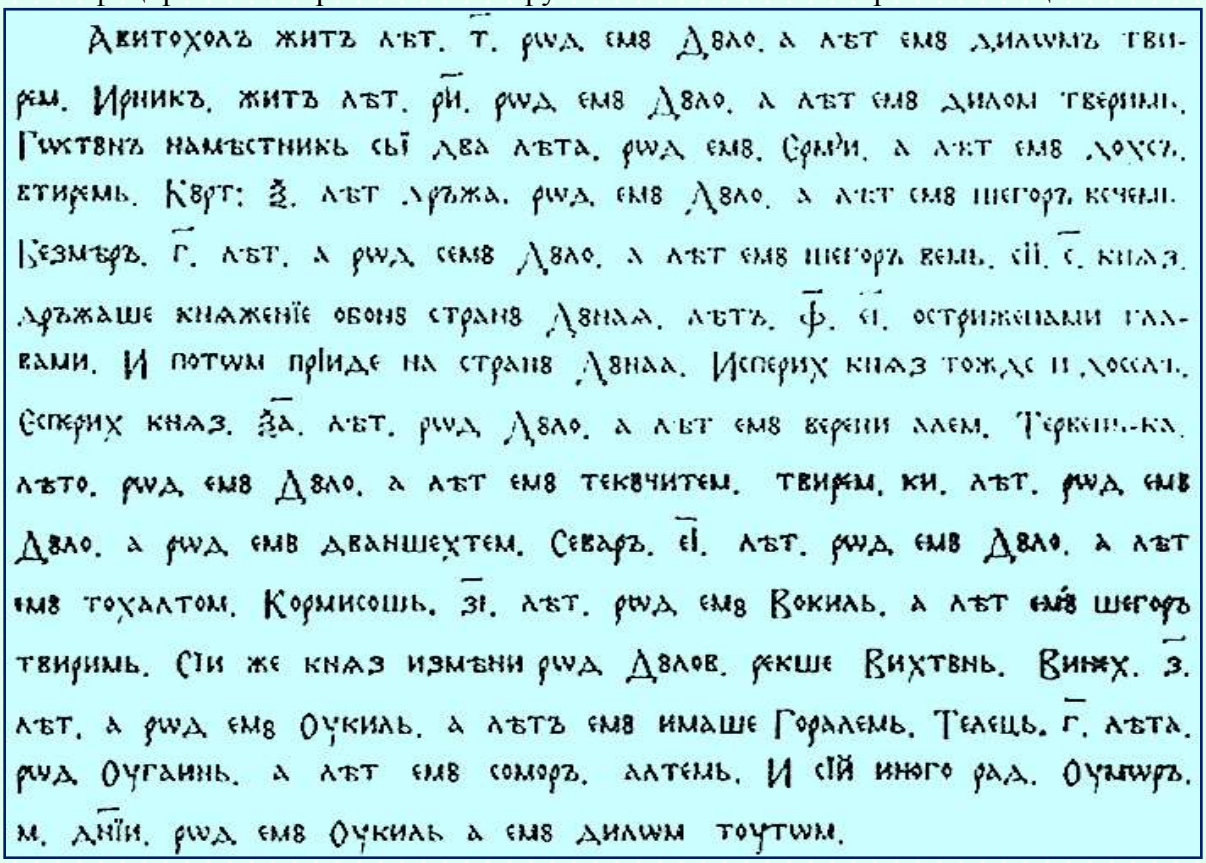
Прародина на българските племена и народи е приалтайската Минусинска котловина. Тук, още преди края на 4-то хил. пр.н.е., отделилите се малко преди това от намиращата се на север от Саяно-Алтайския планински масив, пратюркска етнолингвистична общност, български родове и фамилии се съсредоточават, консолидират и обединяват в отделно-самостоятелно българско племе под ръководството и управлението на един-единствен върховен вожд или хан, избиран по принцип от старейшините на родове и главите на фамилии.

Първата и основно-главна археологическа култура в Минусинската котловина е Афанасиевската, която е експонент на българската етнолингвистична, социално-политическа и културно-историческа общност като цяло. Тук по-близки или по-далечни съседи на българите са прото-огузотюрките, индоиранците андроновци, неголяма група от които с течение на времето се инфилтрира в българите; по-късно – източните иранци, после усуни, монголи, тунгузо-манджуры, угро-фини, къпчаки, кит. динлин, китайцы, тохары, кит. юечжи и др. Още докато са в прародината си причерноморските степи, индоиранците

опитомяват коня и така извършват първата и най-важната в историята на човечеството революция, а българите афанасиевци в Минусинската котловина са първите, които го възприемат и по-късно го предават и на други народи.

През Късната Античност и Ранното Средновековие българските племена и народи са тридесетина на брой и те се разпростират компактно-масово най-напред в Централна Азия, после в Средна Азия, а впоследствие и на територията на Кавказ и Мала Азия, също така и на Балканите и Централна Европа, т.е. върху необятната територия между линията Байкал-Алтай на североизток и линията Балканите-Централна Европа на югозапад, а спорадично-изолирано на Апенините, Скандинавския полуостров, Ирландия и Япония.

През тази епоха Българската или както отдавна вече е възприето и утвърдено в Тюркологията, Булгарската (Bulgarian) група е първата, най-многолюдната, военно-политически най-активно-динамичната и най-съществено-значимата част на Тюркското етнолингвистично семейство. Тя се състои от три сравнително обособени и отделно-самостоятелни подгрупи - Аварска, Прабългарска (Protobulgarian) или още Болгарска (Bolgarian) и Хазарска. По стародавна тюркологическа традиция българските езици винаги се класифицират като първа и основна група в семейството на тюркските езици.


Авитохолъ житъ лѣт. т. рwд ємѕ Двло. а лѣт ємѕ дилwмъ твиримъ. Ирникъ. житъ лѣт. ри. рwд ємѕ Двло. а лѣт ємѕ дилом твериль. Гюствнъ намѣстникъ сьі два лѣта. рwд ємѕ. Сриви. а лѣт ємѕ хохсл. етирємь. Квртъ. ѕ. лѣт Арѫжа. рwд. ємѕ Двло. а лѣт ємѕ шегорь кечели. Безмѣръ. г. лѣт. а рwд семѕ Двло. а лѣт ємѕ шегорь вель. сіі. с. кназ. Арѫжаше княженїе обонѕ странѕ Двнаа. лѣтъ. ф. сі. остриженами главами. И потwм пріиде на страиѕ Двнаа. Исперихъ кназ тождс и хоссл. Сеперихъ кназ. ѕа. лѣт. рwд Двло. а лѣт ємѕ верени алем. Теркиль-ка. лѣто. рwд ємѕ Двло. а лѣт ємѕ текѵчитем. твирем. ки. лѣт. рwд ємѕ Двло. а рwд ємѕ дваншехтем. Севаръ. еі. лѣт. рwд ємѕ Двло. а лѣт ємѕ тохалтом. Кормисошь. зі. лѣт. рwд ємѕ Вокиль. а лѣт ємѕ шегорь твиримь. Сіи же кназ измѣни рwд Двлов. рекше Вихтвнь. Винѫх. з. лѣт. а рwд ємѕ Оукиль. а лѣтъ ємѕ имаше Горалемь. Телець. г. лѣта. рwд Оуганнь. а лѣт ємѕ соморъ. алтемь. И сій иного рад. Оуwмръ. м. днїи. рwд ємѕ Оукиль а ємѕ дилwм тоутwм.

Именникът на българските ханове е родословието на прабългарския владетелски род Дуло, което съществува и се съхранява в устна традиция. По устен път, родословието на прабългарите се предава от дядо на внук и така се съхранява в народната памет. Традицията при прабългарите да се помни и знае наизуст генеалогията на рода и до днес е жива при някои от тюркските народи, например при чувашите и казахите. Тя заема водещо-централно място в тяхната народопсихология, защото доказва и показва не само колко древен е родът, към който принадлежи съответното лице, но и осъществява духовно-моралната връзка между него и неговия родоначалник, а от тук и с всички останали членове на рода, живи и мъртви, което пък от друга страна, му помага да осъзнае и намери своето място, роля и значение в съответната социална общност. Съвсем до неотдавна, мъж от волжските българи

чуваши не можеше да се ожени, ако не знаеше родословието си до девето коляно, а казахите и до ден днешен много добре знаят и помнят от кой род и от кое коляно произлизат.

На Именника на българските ханове му се пада особено важно място в българската история и народопсихология, защото той не само прославя нашите велики предци, но и продължава назад във Времето със столетия генеалогията на българските царе. Ето защо, никак неслучайно, по нареждане на цар Симеон, той е преведен от прабългарски на български език и е поставен в посветения на него сборник. Поставяйки в сборника си Именника на българските ханове непосредствено след Книга на царствата, цар Симеон извежда династията на българските царе през великия Авитохол/Атила към юдейските царе и вижда България като продължител на Юдейското царство, а Преслав – като приемник на Йерусалим; самият той се смята за приемник и следовник на Мойсей, защото и неговото дело и мисия на Този Свят са подобни на тези на Мойсей; както Мойсей, и Симеон е получил предсказания и наставления от Бога и е видял Божията Слава, която му повелява да прави всичко онова, което той прави; Симеон стои начело на един богоизбран и предвождан от самия Господ-Бог народ, когото той трябва да изведе на Обетованата Земя; съгласно възложената му от Бога мисия, именно Симеон е избавителят от Злото и на ромейския народ, в името на което обаче преди това той трябва да го завладее този народ.

Всичко това е още по-важно и значимо, но и изпълнимо, когато родът на съответната историческа личност е владетелски. Тъкмо това много държи да подчертае и покаже на ромеите и цар Симеон в противовес на широко известния и не особено лицеприятен факт, че техните императори обикновено са хора без род и потекло, които обаче много непочтено-несправедливо си позволяват да не признават неговото царско достойнство и титла.

Преводът и записването на тази първа толкова важна и безценна българска хроника от прабългарски на славянобългарски език прави неговият братовчед и преславски книжовник

черноризец Тудор Доксов. Той и по това време все още не само помни и знае наизуст генеалогията главно на прабългарските ханове от рода Дуло, от който род всъщност е и самият той, но именно по него време все още продължава да знае и да си служи с прабългарския календар. Това се вижда много добре от известната му приписка от 907 г. за масовото кръщение на българите от княз Борис през пролетта на 866 г., докато кръщението на самия него и семейството му е през есента на 865 г. [Добрев 2011, 490-496, вж. и срв. Москов 1988, 107-108]:

Сеи же Борисъ болгарꙑ крестилъ есть въ лѣто етхъ бехти.
Този пък Борис покръсти българите в г. Куче, м. Пети.

авитохолъ житъ лѣтъ т҃. родъ емоу доуло,
а лѣтъ емоу диломъ твиремъ.

ирникъ житъ лѣтъ р҃.ий҃. родъ емоу доуло,
а лѣтъ емоу диломъ твиремъ.

гостоунъ намѣстникъ сꙑ в҃. лѣтъ.
родъ емоу ерми,
а лѣтъ емоу доχсъ твиремъ.

коуртъ з҃. лѣтъ дръжа. родъ емоу доуло,
а лѣт емоу шегоръ вечемь.

безмѣръ г҃. лѣтъ, а родъ емоу доуло,
а лѣтъ емоу шегоръ вечемъ.

сии е҃. къназь дръжаше кнажение шб
оно страно доунаꙗ лѣтъ ф.йеї.
остриженами главами.

и по томъ приде на странѫ доунаꙗ
исперихъ къназь тожде и доселѣ.
исперихъ къназь ѯ҃ѡ҃. и едино лѣто.
родъ емоу доуло,
а лѣтъ емоу верени алемъ.

тервель к҃.и а҃. лѣтъ. родъ емоу доуло,
а лѣтъ емоу текоу читемъ.

.....

.....твиремъ.

...к҃ ий҃. лѣтъ. родъ емоу доуло,
а лѣтъ емоу дванъ шехтемъ.

севаръ е҃ї. лѣтъ. родъ емоу доуло,
а лѣтъ емоу тохъ алтомъ.

Кормисошъ ѕ҃.ї. лѣтъ. родъ емоу вокиль,
а лѣтъ емоу шегоръ твиремъ.

сии же къназь нзмѣни родъ доуловъ
рекъше вихтоунъ.

винехъ з□. лѣтъ, а родъ емоу оукиль,
а лѣтъ емоу шегоръ алемъ.

телець г҃. лѣтъ. родъ емоу оугаинъ,
а лѣтъ емоу соморъ алтемъ.
и сии иного радъ.

оуморъ м҃. днии. родъ емоу оукиль,
а лѣтъ емоу диломъ тоутомъ.

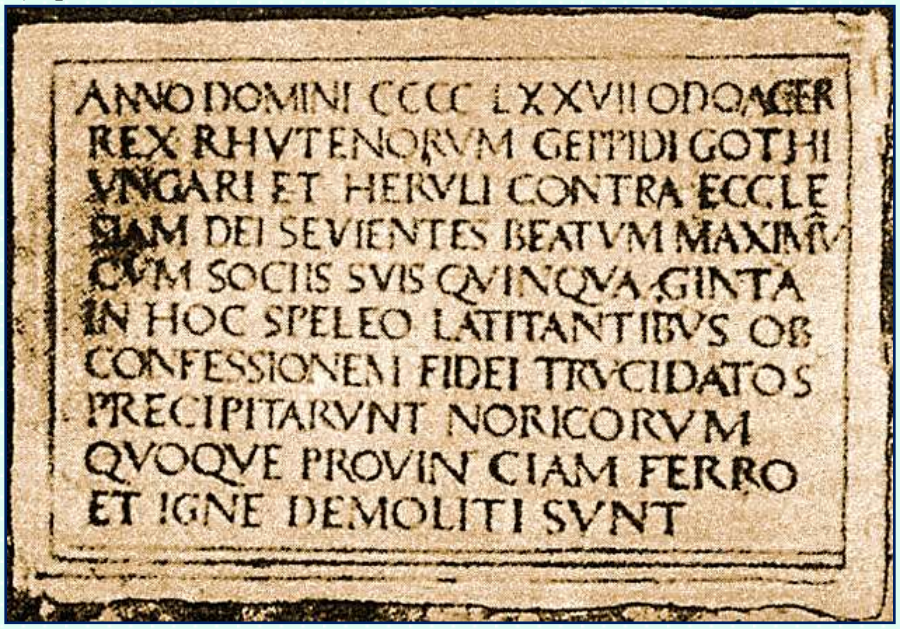
Етнонимът *хунк-хунгар* в Европа

В латинизираната си форма *Ungari*, етним *huŋar* като наименование на основно-главното прабългарско племе от империята на Атилла, е засвидетелстван върху каменен надпис от 477 г. на германския по произход италиански крал или римски император(?) Одоакър. Той е син на пълководеца, члена на императорския сенат, най-приближения и даже приятеля на Атилла, Едекон; расте в двора на Атилла, безспорно владее и говори неговия роден език и затова знае най-добре какво е самоназванието на основно-главното племе от полиетничната му империя: *Ново свидетелство, че половин век преди Юстиниан някои славянски народи са присъствали и са били доста активни в югоизточна Европа, може да се намери и в един надпис в австрийския град Залцбург. В този надпис Одоакър е посочен като цар на рутените. Надписът гласи:*

ANNO DOMINI CCCC LXXVII ODOACER REX RUTHENORUM GEPPIDI GOTHI UNGARI ET HERULI CONTRA ECCLESIAM DEI SEVIENTES BEATUM MAXIMU(M) CUM SOCIIS SUIS QUINQUAGINTA IN HOC SPELEO LATITANTIBUS OB CONFESSIONEM FIDEI TRUCIDATOS PRECIPITARUNT NORICORUM QUOQUE PROVINCIAM FERRO ET IGNI DEMOLITI SUNT.

В лето Господне 477 Одоакър, цар на рутените, гепидите, готите, унгарите и херулите, разярен срещу Божията църква, изби и хвърли [от скалите], заради тяхната вяра, блажения Максимус и петдесет от неговите съмишленици, които се криеха в тази пещера, след което с огън и меч опустоши провинция Норикум.

Тези думи могат да се видят на мраморна възпоменателна плоча, поставена върху стената на една гробница в манастира „Св. Петър“. Размерите на плочата са дадени като 56×58 см. Тя е изработена по времето на игумен Килиан (1521-1535) и първоначално е била поставена в една от по-долните пещери, но по-късно е качена в настоящата [Сотиров 2018, 2].



Хан Кубрат освобождава всички кавказски българи от васалната зависимост към западните тюркути през 632 г., обединява под егидата си прабългарските племена на Кавказ и така основава полиетничната империя военно-племенна конфедерация Стара Велика България. През 634 г. той разпределя империята си по племена и територии между синовете си, като на хан Аспарух, заедно с още 2-3 по-малки племена, поверява собственото си племе със самоназвание **Huŋ,* прабългарско мн.ч. *Huŋar*, тюркут. *оногур* „десет огури“, алан. *ванандор,* гръц. *уногондур* и др. На основата на множественото число на този етноним всъщност възниква и се развива и етним *хунгар* като наименование на народността и държавата Унгария.

Поради обичайното за староунгарските хроники разбъркване на лица, места, време и събития, в този порядък, не е много ясно кой точно е “вождът Алмус” и кога по-точно е нападението на маджарите срещу земите и крепостта на дук Лоборци, за каквато тук се представя много източната крепост, не Хунгу, както приемат издателите на последните латински извори, защото просто не държат сметка за латинския винителен падеж, а Хунг, също и Хунгвар, Унгвар, дн. Ужгород в Украйна, за името на която крепост няма никакви причини да се пише, че “означава “крепостта на унгарците” и даже и да се лансира не особено адекватното предположение, че “може да произлиза от послявянчената форма на “оногур” когато разликата във фонетичния строеж между едното и другото е повече от очевидна, а при достатъчно квалифициран поглед, може да се окаже, че и произходът на едното и другото са съвсем различни, да не говорим за това, че особена лингвистична грамотност не издава и изцяло тавтологичният израз “произходът на етимологията обаче е все още неясен” [ЛтИзв-5.1, 18], защото в обективнореален план и в края на краищата етимологията все пак е произход и обратното.

Независимо от всичко това, “вождът Алмус и неговите първенци” препуснали към крепостта Хунг и още докато си строели лагера, “комитът на крепостта на име Лоборци, който на техния език се наричал дука – qui in lingua eorum duca vocabatur”, побягнал към крепостта Землум, дн. Землен в Словакия, войниците го хванали край някаква река, там го

обесили и затова и реката получила името Лоборци. “Вождът Алмус и неговите хора влезли в крепостта Хунг”, принесли жертви, яли-пили четири дни, Вождът “приел положената от всички клетва” и още “приживе обявил своя син Арпад за вожд и повелител и Арпад бил обявен за крал на Хунгуария – dux Hunguarie”.

Въпреки широко разпространеното и като че ли вече възприето и здраво утвърдено мнение, съвременното народностно название на унгарците *Hungar* надали води своето начало от болгарския етнм *Onogur,* защото така най-малкото няма обяснение за широката незакръглена гласна в края, а най-вероятно от историческия етнм **huŋar* като наименование на някое болгарско племе на Кавказ или в Северното Причерноморие, който етноним е запазен в средновековните славянски езици под формата *вангар* и очевидно-безспорно е образуван с прибавянето на собствено болгарският суфикс за мн.ч. ***-ар*** към пак болгарския етнм **huŋ,* който пък от своя страна е запазен в такива местни имена като ойкнм *Хунгвар,* дн. Ужгород, втората съставка на което е пак болгарската по произход лекс. *вар* “град”, а така също и в името на общо взето не особено ясно къде разположеният средновековен трансилвански гр. Хунгу [вж. и срв. Буданова 2000, 161; Олайош 1987, 240-244; Юхас 1985, 22-65,384-388; Boba 1982, 74; Golden 1980, 54,74; ЛтИзв-5.1, 18, срв. Fodor 1982, 233; Györffy 1988, 51; Róna-Tas 1982, 143].

Към кръга на думите и имената, които непременно следва да се прибавят към не особено ясните като количество, но във всички случаи много повече от горепосочените цифри, думи и имена от прабългарски произход в унгарския език, спада също така и особено *етнм* ***kun,*** на основата на който безспорно възниква широко разпространеното *унг. фми* ***Kun*** [ЛНб] и който етноним в никакъв случай няма нищо общо с *лат.* ***homo,*** както допуска проф. Д. Немет, докато с оглед на тюркския праезик или на сродните му езици, пропускайки, разбира се, да цитира староунгарската хроника на Шимон Кезаи, обяснява самоназванието на хуните, което според него, съвсем невярно и много погрешно според нас, е равно на *етнм* ***kuman*** и с формата си ***hun*** е резултат от фонетичната промяна ***k > h.***

Всъщност надали има езиковед ориенталист, който да не знае, че първично-изконната форма на въпросното народностно название е ***hun,*** употребено най-напред като че ли още през III хил. пр.н.е. за народ на север от Китай (Б. Калгрен), както и още през I хил. пр.н.е за монголоезичните племена от Забайкалието (В. Буданова), но така също и някъде след началото на I хил. пр.н.е., пак от китайците, примерно като *стюит.* ****γиə,*** за нахлуващите от север и северозапад български племена на "ездачите", с много вероятното значение "човек", запазено между впрочем и в някои от цитираните тук езици и пренесено до нашите земи от народите и племената на полиетничната военно-племенна конфедерация, наречена Хунска империя със столица на територията на дн. Унгария, последният владетел и ръководител на която е българинът от племето на оногурите, хан Атила, така че и самият *етнм* ***hun,*** се явява единствено и само български по произход и употреба, а не изобщо тюркски, приемането на което очевидно го прави твърде неопределен и неточно-неясен.

Между впрочем нека тъкмо по този повод съвсем накратко забележим, че в наскоро излязлата у нас историографска студия на *етнм* ***hun,*** по която по необходимост за втори път вземаме отношение от началото досега и която е написана в доста странния за нас лично, но типичния за съвременните български историци стил, при който обемът на бележките под линия или в края, ако и да не надминава, то поне се приближава към обема на основния текст, авторовите прозрения по редицата фундаментални въпроси на съвременната прабългаристика се издигат едва до там единствено и само да обобщи и заключи главно, че те все още са дискусионни, като например, че "Разселванията на неолитните народи напомнят плискането на вълни в коритото, наречено Евразия…"; това са "въпроси, по които все още продължава да се спори"; "Дискусионен е въпросът за характера на хунския език…"; "въпросът за корелацията между *хуните* и *х[с]иунг-ну,* както и за техния етнически произход и състав все още остава открит пред бъдещия изследовател".

А основната позитивно-съдържателна страна на тази "студия" дава достатъчно пълна и ясна представа за безизходицата, до която са довели тюркското по принцип и прабългарското езикознание в частност, възможно най-високо превъзнасяните и от този списовател "големи световни имена", които и до края на Света, без изобщо да държат сметка главно за границите и относителната обособеност и затвореност на отделните племена, народи и техните езици, за географските пространства и историческите епохи, ще продължат взаимно да се замерят, а нас, читателите си пък да залъгват с такива нелепи глупости като "алтайски народи" или "алтайски етнически елементи"; "принадлежността на *източните* и *западните* хуни към голямата урало-алтайска етнолингвистична общност", при което не бива да се подминават и такива бисери плод на силно изкривена способност за съставяне на "умозаключения" на основата не на обективнореално несъществени, а нямащи изобщо никакво отношение към предмета на мисълта предпоставки и признаци като този, че езиците на източните и западните хуни "не спадат към никое от познатите днес (още по-малко от живите познати) лингвистични семейства. Те са по-скоро отмрели изолирани езици (подобно на шумерския и угаритския), което не бива да изненадва, защото на света има много повече мъртви отколкото живи езици" и други от този сорт [Стоянов 2004, 269-277], от което като цяло и ние се опитваме да не се изненадваме и впечатляваме особено, защото очевидно е, че когато днес, разни икономисти, историци, помощник-историци, археолози, журналисти и др., затънали до гуша в безкрайната си лингвистична неграмотност, загърбват, игнорират или се правят, че не забелязват реалния прабългарски език и "откриват", лансират и разпространяват някакъв си измислен "древнобългарски език", то нещата не може да бъдат по-иначе или пък някакви други.

По силата именно на китайския си произход, но тюркската по принцип и прабългарската си в частност употреба и разпространение, *етнм* ***hun*** историкосемантически, очевидно-безспорно има значението "българин" и с това си значение той е употребен дори и от

Птоломей по отношение на хуните, които към средата на II в. преминават в Източна Европа, а разширява значението си до "гражданин или жител на Западнохунската империя", едва след образуването и по време на тази Империя, на основата и във връзка с добре известния и често проявяващ се, наред със своя антипод, през Късната Античност и Ранното Средновековие принцип pars pro toto - наименоване на цялото или всичкото подвластно население посредством названието на основния и водещ етнос в рамките на съответното административно-политическо образувание, при което обаче в обема и съдържанието на така възникналото и образувано индивидуално понятие значение на новия и вече друг и различен етноним се включва и съдържа и предишният, старият етнически обект.

Западнохунската империя със средище на територията на днешна Унгария, е полиетнична военно-племенна конфедерация в която влизат български, ирански, славянски, германски, угрофински и др. племена, в езиците на които по специфичен начин преминава, използува се и се запазва въпросното етническо название.

Специално маджарите безспорно са го възприели *етнм* ***hun*** от интегрираните, инфилтрирани, но и асимилирани от тях български и славянски етнически групи и племена, останали по тези земи след началото на разпадането на Западнохунската империя със смъртта на нейния основател и умел ръководител българския хан Атила, като с появата на куманите на европейската историческа сцена, те започват, на основата на семантико-номинативния принцип метафора, т.е. по сходство и подобие, да назовават посредством него и близките до българите по произход, език, материална и духовна култура и расово-антропологичен тип кумани къпчаки, които обаче достигат Средна Европа под собственото си самоназвание, след време усядат и сред маджарите, претопяват се сред тях и така в унгарския език, наред с предишното им название ***кун,*** се появява и донесеното от тях самите название ***куман,*** разноместно-разновременната и не винаги коректната тогава употреба и преминаване в изворите и на едното, и на другото има за резултат и недопустимото и неприемливото им все пак сближаване и смесване в науката в най-ново време.

При това положение като не особено компетентни и обектно адекватни следва да се преценят и опитите за откриване в семантиката на унгарския *етнм* ***кун*** не значението "българин", а значението "turq", като лингвистически напълно неграмотно се използуват една титла и няколко фонетически близки до нея мъжки лични имена [Histoire de la Transylvanie 1992, 153].

Но нека да приключим разсъжденията си върху този етноним, като отбележим, че той не е обяснен кой знае колко по-добре и задоволително и от проф. П. Юхас [1980], според когото *мадж. етнм* ***kun*** е равен на *етнм* ***Cumanus,*** но е достигнал до маджарите не посредством куманите къпчаки, а е съхранило се в маджарските предания име на един от кабарските родове, като по всяка вероятност първоначалният вариант е ***chun*** и него Анонимус на латински е превърнал в ***Cumanus,*** макар така да се наричат появилите през втората половина на XI в. кумани [118].

И все пак като заключително обобщение, генетико-исторически и структурно-функционално *етнм* ***hun*** няма нищо общо с *етнм* ***kuman,*** който по наше дълбоко убеждение, което се надяваме, че ще имаме възможност да експлицираме и обосновем достатъчно подробно и всестранно в друго наше, по-нататъшно изследване, трябва да има за основа западнотюркския по произход - български, огузски или къпчашки (!?) *етнм* ****kökmän*** от *при* ****kökmän*** с корен ***kök*** "син, ясен; рус, светъл" и суф. ***-män,*** налице още и в редица други западнотюркски прилагателни имена, и ненапразно калкиран посредством изтсл. *половец* [вж. и срв. Буданова 2000, 209; Коледаров 1989, 18; Стоянов 2004, 270-283; Юхас 1985, 36; Altheim 1959, 7-41,369; ~*~1960, 259; Jancsó 1921, 42; Pritsak 1979, 27-34; Thompson 1948, 20-23; срв. Németh 1962, 179,189].

Между впрочем, както научаваме пак от проф. П. Юхас [1985], създател и разпространител на широко възприетата от като че ли почти всички съвременни унгарски езиковеди и историци “теория” не за българския по-общо и за болгарския в частност, а за “тюркския” принос в унгарския етнос, език и култура, е отново проф. Д. Немет, който, като тръгва от правилната и вярна по принцип предпоставка, че “по-малките и по-големите градивни елементи на тюркската номадска държава често са били разноезични”, в самозаблуждението си, обусловено от не особено високо ниво на общонаучна интелигентност, допуска сравнително често срещаната и дори тривиална логическа грешка “подмяна предмета на мисълта” и прави изобщо неверния и обектно неадекватен извод, че “народите, известни в историята под общото наименование тюркски, представлявали само политическо, но не и етническо цяло” [244], на повърхността на който извод глупаво се полюляват, примесвайки се една с друга, коренно различните и изобщо нетъждествени същини, субстанции, наречени етнос и държава.

Самият проф. П. Юхас, и той очевидно е силно изкусен и подведен от този лековато-погрешен стил на предшественика си езиковед, защото вече без да го цитира, повтаря основните му постулати и ги конкретизира върху примера с основателя на азиатската държава на хуните или по китайски - на хун-ну, българския хан Моде от 176 г. пр.н.е., който според него именно тогава, в писмо до китайския император съобщава, че е “покорил двадесет и шест държави” и “те всички станали хуни” или “Моде превърнал в хуни племената на поробените “двадесет и шест държави” [65-66], което щеше да бъде наистина вярно, ако не беше представено толкова повърхностно и като нещо съвсем бързо и лесно.

Не особено точно-адекватната теория, не за прабългарския, а за тюркския принос в етноса, езика и културата на унгарците е вече дотолкова вкоренена и разпространена в световната лингвистика и историография, че тя се подема, доразвива и препредава по-нататък от кого ли не и къде ли не и именно тук D. Sinor [2004] например е много прав,

когато забелязва, че словникът на унгарския език съдържа голям брой тюркски думи [3], но пак той никак не е прав, когато твърди, че З. Гомбоц греши, когато приема за тюркобългарски заемки дори и онези тюркски думи, които не притежават чувашки черти и особености, така че в действителност, само малка част от тези заемки може да бъде отнесена към този особен диалект, а останалите биха могли да произхождат от всеки друг тюркски диалект, именно поради което авторът предпочита да говори за влияние върху унгарския език от страна на "Turkish", т.е. на "тюркския език" [4], какъвто език обаче по времето на българо-унгарските етнолингвистични контакти и взаимодействия реално не съществува или ако искаме да бъдем по-точни и по-ясни трябва да кажем, че такъв език има, но не отделно-самостоятелно, а единствено и само под формата на общото в редицата омогенетични и омоморфни езици, наречени тюркски и много отдавна обособили се от тюркския праезик и каквито за онази историческа епоха и етап от развитието на тюркските езици са само българските езици – аварски, болгарски и хазарски.

Колкото пък до "чувашките черти", добре щеще да бъде, ако на същия автор му беше дошло наум, че не може всичките без изключение, най-малко 250 прабългарски заемки в унгарския език да съдържат в структурата си "чувашоидентифициращите" звукове ***р*** и ***л,*** за да се удовлетвори неговата никак неоснователна и тюркологически изцяло неграмотна претенция едва тогава и останалите думи да бъдат признати за тюркобългарски – да се надяваме, че така става напълно ясен и абсурдният комизъм на въпросната претенция.

За съжаление, същият изследовател разгръща своя анализ и формулира заключенията си на основата и в рамките на презумпцията, че племената по земите на Южна Русия през втората половина на I хил. са основно тюркски - "In the second half of the first millennium Southern Russia was teeming with Turkish tribes; their presence is ample explanation of the existence in Hungarian of Turkish loanwords", което просто не е вярно, защото племената по това време и по тези места са единствено и само български, тюркобългарски изобщо и по-специално, не българо-аварски племена, които изобщо не се задържат по тези земи, нито пък българо-хазарски племена, които се появяват тук малко по-късно, а основно и главно – българо-болгарски, т.е. прабългарски племена и народи.

При това положение и по необходимост, никак не е вярно вече и твърдението, че практически от тюркски или славянски произход е цялата селскостопанска терминология в унгарския език – "Practically the whole agricultural terminology of Hungarian is either Turkish or Slavonic in its origin", както и твърдението, основано на изцяло погрешните етимологии на проф. Д. Немет, че тюркски произход имат личните собствени имена от епохата на "Завладяването на родина", а така също и названията на шестте от всичко осем унгарски племена [4], където очевидно се прави още по-груба грешка, защото в основата на унгарската народност, както ще се обоснове и покаже по-нататък, лежат не племена, а родове, един от които е от прабългарското племе оногури, но нека Читателят да види по този въпрос и нашето тълкуване в първата глава на настоящото изследване, на етнм *дентумогер* като име на онова "скитско племе", от което според унгарските хроники води своя произход унгарското племе.

Пак тук обаче, много-много странно, племето оногури се представя не като болгарско, най-точно и най-вярно, не и като българско, малко общо, но все още вярно и приемливо, а единствено и само като тюркско – "Turkish tribe, the Onogur" [5], което вече е толкова общо и неопределено, че направо изобщо нито е вярно, нито пък приемливо и поставя под много силно съмнение научната компетентност на своя автор.

Не отговаря на действителността и това, че именно славянската форма на името на непознатия в Европа, въпросен "тюркски" народ се оказва приспособена от същата тази Европа за име на унгарците [5], защото според нас племето на маджарите получава назв *Ουγγροι*, ако не много преди, то поне вън и независимо от славяните и ако не още на Кавказ,

то поне в областта на Лебедия, където княз Арпад от племето оногури - Ὀνογουροι, е избран за върховен вожд на цялото маджарско племе, в което изобщо няма нито нищо изненадващо и още по-малко пък комплицирано, като се има предвид, че и той като българин е от същия народ, от който е и хан Атила.

Между впрочем, независимо от широко разпространеното и като че ли вече възприето и здраво утвърдено мнение, съвременното народностно название на унгарците *Hungar* надали води своето начало от българския етнм *Onogur,* защото така най-малкото няма обяснение за широката незакръглена гласна в края, а най-вероятно от историческия етнм **huŋar* като наименование на някое българско племе на Кавказ или в Северното Причерноморие, който етноним е запазен в средновековните славянски езици под формата *вангар* и очевидно-безспорно е образуван с прибавянето на собствено българския суфикс за мн.ч. ***-ар*** към пак българския етнм **huŋ,* който пък от своя страна е запазен в такива местни имена като ойкнм *Хунгвар,* дн. Ужгород, втората съставка на което е пак българската по произход лекс. *вар* "град", а така също и в името на общо взето не особено ясно къде разположеният средновековен трансилвански гр. Хунгу [вж. и срв. Буданова 2000, 161; Олайош 1987, 240-244; Юхас 1985, 22-65,384-388; Boba 1982, 74; Golden 1980, 54,74; ЛтИзв-5.1, 18, срв. Fodor 1982, 233; Györffy 1988, 51; Róna-Tas 1982, 143].

Никак не може да се приеме дори и за минимално вярно и това, че оногурите са свързани с българите – "They are definitely connected with the Bulgars — the sources even speak of Onogur-Bulgars" [5], когато те по начало са си българи, защото са едно и то най-голямото и най-силното от българските племена, макар и недостатъчно ясно кои и колко точно на брой, прибавяме ние в контрапункт на малко по-долу, некоректно изведеното заключение на проф. П. Юхас, че те са точно десет на брой, защото и според него първата съставка на тяхното название е числителното име десет.

При това не изглежда особено обектно адекватно и предположението, че оногурите "From the second half of the 5th century their dwellings were mostly, if not always, north of the Black Sea, presumably between the rivers Don and Kuban", когато от М. Каланкатуаци [1984] научаваме, че по времето на персийския цар Шапур II (309-379), персите и арменците воюват с хун на име Хонагур, мъж с исполински ръст в стоманена ризница и кован шлем на огромната глава, който преди това разграбва Персия, а след като начело на "многочислени пълчища от хазири" преминава през прохода Чора, призовава на двубой самия персийски цар, който обаче не се изправя срещу него, а изпраща княз Бабик от арменската област Сюник и той го побеждава [65-67,195-197].

Освен това, вече съществуват и са достатъчно подробно-пълно разтълкувани и обосновани на много места от тука назад, и научните факти податки главно от лингвистико-ономастично естество, че тъкмо оногур е и племето на хан Атила, което не особено популярно сведение, разбира се, не толкова усложнява общата картина, колкото изнася това българско племе много по-назад във Времето и Пространството. Колкото пък до географските познания и уговорки на автора, все пак добре е да се знае, че областта на Средна Волга - Middle-Volga region, е доста и достатъчно отдалечена от северните черноморски области - north of the Black Sea.

За някои от унгарските изследователи, Арпад произхожда от племето оногур, което като че ли трябва да е само едно от многото оногурски племена, за които проф. П. Юхас [1985] например, малко неочаквано за нас и като че ли без каквато и да е експлицитна аргументация, очевидно на основата на известната, но не дотам убедителна етимология, според която Етнонимът има за основа *тюрк.* ***он*** "десет" и *назв* ***огур,*** т.е. "десет огури" като племена, пише, че оногурските племена са ни повече, ни по-малко, точно десет на брой [65].

В действителност, тогавашните "Turks (the future Hungarians)", т.е. "тюрките (бъдещите унгарци)", както ни просвещава, разказва и доказва дългогодишният изследовател на

източноевропейските тюрки проф. Ом. Притсак, “were seven clans”, т.е. “бяха седем рода”, като специално Арпад и неговият род са от болгарското племе оногури – *“Onoγur/*Hunic Arpad clan”, откъдето “the name *Hungary (<Onoγur),* т.е. името на съвременна Унгария възниква и се образува на основата на името на болгарското племе оногури, което по-общо виждане ние поправяме и конкретизираме в смисъл, че “оногурите са една от племенните групировки на ранните болгари” и че името на страната, хоронимът в действителност се образува на основата на името на народността във и върху нея, а за разлика от вътрешно-собственото име, автоетнонима *magyar,* който е външното, дадено от съседен народ, име на унгарската народност, етним *hungar,* според така предложеното мнение, е по-следващо развитие чрез съответната фонетико-семантична промяна и развитие на собствено маджарска почва, на името на болгарското племе, етнм *onoγur* [Добрев 2005, 149-220].

На Кавказ през I-IV в. има гр. Хунаракерт [АрмАтл, 104], лексико-граматичната структура на името на който е напълно ясна и дори прозрачна и се състои от българския етним *Huŋ* и апелатива географски термин от ирански произход *керт* “град”, като към етнонима е прибавено прабългарското мн.ч. *-ар,* последвано най-вероятно от арменската съединителна гл. *а,* налице още и в ойкним *Тигранакерт* [АрмАтл, 104], където съставката *Тигран* е добре известно арменско мъжко лично име, носено и от редица арменски царе като например Тигран VI (59-62), но същият елемент се среща и в оронима *Дзиакан* като паралелно название на известните Хипийски, или в превод от гръцки - Конски планини. На българска езикова почва обаче името на същия град е *Хумара,* където прабългарският зв. **ŋ* преминава в зв. **m,* подобно на болг. *самур,* днболг. *sömör,* в Именника на българските ханове, славянизирано до обл. *сомор,* тат. *sömöran* „лалугер“, чув. *сăвăр* най-вероятно от суварския език, всички от тмандж. **singer* „мишка“ [вж. и срв. Москов 1988, 86].

Под действието на същата етимологична фонетична промяна, заимстваното от българите още в Минусинската котловина и някъде по средата на III хил. пр.н.е. индир. **kaŋ,* при преминаването си в местния български език се адаптира и развива до лекс. **käm,* на основата на което възниква първото и основно наименование на р. Енисей: ***Кем*** *- 1. р. Енисей, см. Ким. 2 р. Кемчуг п. пр. р. Чулым (Вир. р-н). 3. р. Кемь л. пр. р. Енисей (Каз. р-н).*

Кимҷік *(Ким + сам. чи- - р. Кемчик л. пр. р. Енисей, га-река).*

Ким Суг *(кет. Большая река) - р. Енисей. Впервые отмечается в китайских летописях VI в. н. я. в форме Цянь или Гянь. В хакасском фольклоре иногда называют «Хан Ким суг» - Царь-Енисей река. Ирг! Ким - основное русло Енисея. Ким алны - правобережье р. Енисея. Ким кист! - левобережье р. Енисей (т. е. Хакасия). Ким 1ст! - долина Среднего Енисея.*

Кимҷік *(Ким + сам. чига - река) - р. Кемчик л. пр. р. Енисей* [ТСХМКр, 42-44].

Тази основа е съхранена и в Средна Азия като „local word of the Bukhara oasis, namely *kām* '(big) irrigating canal'; 'large, first-step irrigating canal', Tajik *kom,* etymologizing *käm,* a widespread element in Altai and Tuva“; River-names *Šāfur-kām, Ḥarām-kām, Kām(-i) Daimūn, Kām-i 'Akka, Kām-i Mēγ* [Lurje 2012, 1-2]. Пак от нея, по пътя на веларизацията и с помощта на умалителния суф. *-чик* се получават българските хидроними *Камчия* и *Буюкъ-Камчикъ* - наименование на река, на която се намира градчетоЕски-Стамбулъ, днешният Велики Преслав [Голубинский 2010, 62]. При това индир. **а* се субституира чрез бълг. **ä,* подобно на индир. **varan,* което преминава в бълг. **vereni:* ***Кем, хем*** *- «река» (хак., тув. Только в географических названиях). Старое название Енисея от истоков до впадения Ангары, Кемь - приток Енисея, Пелиг Хем, Чет-Хем, Сат-Хем в Туве* [ПТСл, 9].

Етнонимът *хунк-хунгар* в Средна Азия

По време на миграцията си на запад, българските племена и народи започват да проникват в Средна Азия към началото на Новата ера. По този начин те поставят началото не само на Великото преселение на народите, но така също и осъществяват до край българизацията на Средна Азия. Краен резултат от тези етно-социални и историко-политически процеси е и частичната иранизация на някои български племена и най-вече на оногурите със самоназвание *хунк,* мн.ч. *хунгар,* пехл. *Хуōн/Нуōн,* бактр. *Chionitae.* Хионитите и ефталитите дълго време са решаващ фактор или както се изразяват някои изследователи, „остаются хозяевами положения“ (С. Толстов) в геополитическата история не само на този регион, но така също и на Предна и Мала Азия: *Первопричиной дипломатических контактов Китая с Западным краем была война, развернувшаяся в первой половине II в. до н.э. между двумя наиболее могущественными племенами Центральной Азии - хуннами и юэчжами, или тохарами, как они назывались в греческих источниках. В этой войне юэчжи потерпели страшное поражение и были вынуждены в большей своей части с территории современной провинции Ганьсу, где они первоначально обитали, переселиться в Семиречье. Но и здесь хунны настигли юэчжей, убили их вождя, из черепа которого сделали лакированный сосуд для питья. Юэчжи двинулись на юг Центральной Азии в Бактрию, где наряду с другими племенами участвовали в разрушении*

Греко-Бактрийского царства, а спустя много лет их потомки создали великую Кушанскую империю.

Юэчжи, опасаясь хуннов, искали для себя союзников в борьбе с ними. В свою очередь Ханьский Китай, от части тоже страдавший от набегов воинственных хуннов, прослышав о желании юэчжей, начал искать пути для установления подобного рода союзнических отношений. Осуществить эту трудную и ответственную миссию вызвался уроженец области Хан-Чжун, начальник привратного караула по имени Чжан Цзянь, который, видимо за116 свои доблести, был выбран из числа других претендентов.

Об этой миссии Чжан Цзяня рассказано в Шицзы. В свой путь на запад Чжан Цзянь отправился вместе с хуннским проводником Таньганьфу. Однако по дороге он был задержан хуннами и приведен ими к своему князю, который совершенно резонно спросил у Чжан Цзяня, по какому праву китайский император отправляет посланника к юэчжам через хуннские земли. Чжан Цзянь был задержан и оставался в плену у хуннов около десяти лет, его женили на хуннской женщине, от которой у него родился сын. Однако, воспользовавшись предоставленной ему свободой, он вместе со своими спутниками бежал на запад, и, спустя несколько десятков дней, прибыл в Давань - древнюю историко-культурную область, соответствующую Фергане [Ртveладзе 2011, 115-116].

Така например, през 359 г., като съюзник на персите, хионитският хан Грумбат участва с войската си в упорито-продължителната обсада и превземане на източноримския град Амида, дн. Диарбекир в Югоизточна Турция. През периода 370-375 г. хионитите владеят Согдиана, след което навлизат и в Хорасан, а през 457 г., прииждащите от към Индия хионити завладяват и държат известно време под своя власт даже и Бактрия [Akbulut 2016, 2-15; Atwood 2016, 32-33]. Ефталитите пък упражняват постоянен контрол върху една обширна територия в Средна Азия, Хорасан и Афганистан, като за определен период от време основават в Междуречието и няколко княжества, а около 510 г. ефталитският владетел Торамана завладява повечето от половината територия на северна и западна Индия. Вследствие на това, империята на ефталитите се оказва чувствително по-голяма от Сасанидската империя: *The Chinese early ninth-century Tong Dian – summarising data contained in the Wei Shu (then extant, subsequently lost) and obtained from the earliest Hephthalite embassy to the Wei in 456 CE - likewise records the mass migration of nomadic tribes southwards from Altai region into Bactria c. 360-370 CE (La Vaissière 2007: 121-122). Étienne de la Vaissière describes these nomads more specifically as a federation of various Hun tribes 'loosely united under the old Xiongnu political and cultural leadership' and deduces that 'all the nomadic kingdoms that flourished in Bactria between the middle of the fourth century and the middle of the sixth century can trace their origin back to a single episode of massive migration in the second half of the fourth century. The Sasanians did not fight against successive waves of nomads freshly emerged from the northern steppe but against successive leading tribes or clans within the nomadic world established in northern Bactria'. He further points out that, in Chinese descriptions of the Western world, the various components of Bactrian society usually have been simply 'mixed together' and given 'the name of the leading tribe, that of the Hephthalites'. The qualification should perhaps be added here that the Hephthalites were not always the leading tribe; however they were the tribe with whom the Chinese came into closest contact in the fifth century, and from whom they received regular payments of tribute in the period 507-558 CE.*

The apocaplyptic zoroastrian Zand-i Vohuman Yasht (or Bahman Yasht) – a Sasanian-period Middle Persian translation or commentary on a now lost Avestan text – divides the Huns into 'Khyōn' (Xyōn), 'Heftal' (Hephthalites), 'Red Khyōn' and 'White Khyōn' (II.49, cf. Bailey 1932: 945–947; cf. Cereti in this volume). It is interesting to note that in this list of non-Iranians the Huns are split, 'Khyōn' and 'Heftal' being grouped with the Turks and Tibetans, and the 'Red' and 'White Khyōn' with the Chinese, Kabulis, Sogdians and Byzantines. of the Huns listed, only the

identification of 'Heftal'/Hephthalite is clear, although the 'Red Khyōn' can probably be equated with the Alkhon since āl means 'red' in Turkish [Errington 2019, 147-148].

Цивилизационно-културното равнище на тези българи е на възможно най-високото за тази епоха ниво, защото те секат собствени монети, свидетелство и доказателство за достатъчно развито производство и търговия, и строят уникално-неповторими като вътрешна планировка и изпълнение градове с двойна крепостна стена, т.е. градове крепости с цитадела. И все пак техният най-голям и даже огромен принос не само за социално-политическата история на Средна Азия, но и за цялото Човечество, се състои в това, че именно те съкрушават битуващия главно сред местните ирански племена и народи робовладелчески строй и полагат основите за възникването и развитието на феодализма, който безспорно е много по-прогресивен етап в историята на Човечеството: *Вытесненные племенами сяньби и тоба, гунны идут на запад. Ввиду того, что Согд занят кушанами, впоследствии эфталитами, путь гуннов лежал не южнее Сыр-дарьи. На Сыр-дарье они овладевают областью Судэ, всего вероятнее согдийской колонией. Впоследствии они достигают владений аланских племён. Движение гуннов в южнорусские степи было ускорено вытеснением из Семиречья потомков, северных гуннов, племен юебань, племенами ухун-уге - древних уйгуров, в свою очередь вытесняемых вначале сяньби и тоба, а в конце гуннской эпопеи - жужанями в 492 г. Эти племена угров после разгрома гуннов в Западной Европе и становятся на некоторое время хозяевами в Восточной Европе.*

Путь движения гуннов на запад отмечен археологическими памятниками. Наиболее яркими являются, кроме «болотных городищ» Приаралья, вещи, инкрустированные драгоценным камнем и обведённые зернью. Эти вещи находили ещё в Ноин-уле. Отмечены они были Гейкелем и нами в курганах кенкольской культуры. Развитие этих элементов прослеживается в памятниках Центрального Казахстана (Кара-кенгир, раскопки А.Х. Маргулана), Акмолинской области, в находках у оз. Боровое, в курганах под Уральском, в с. Шипово. Достигают эти памятники наибольшего совершенства в волжских и южнорусских степях, о чём речь пойдёт далее [Бернштам 2013, 4-97].

Анализ материала «болотных городищ» восточного Приаралья заставляет притти к выводу, что эти памятники созданы народом, по происхождению тесно связанным с сармато-аланскими и массагетскими племенами, однако около IV-V вв. н. э. подвергшимся сильному влиянию восточных племен тюрко-монгольского круга, вероятнее всего — гуннов. Китайская «История Северных Дворов» сообщает нам, что локализуемая большинством исследователей в северо-восточном Приаралье, т.е. как раз в исследуемом нами районе, страна Яньцай (китайская транскрипция имени аорсов — аланов), или Судэ, около середины IV в. была завоевана гуннами, и правитель этой страны, по имени Хуни, около 440 г. посылал посольство в Китай.

Видимо, Хуни китайской хроники — не кто иной, как Кунг-ха, царь среднеазиатских гуннов-кидаритов, который, по византийским данным, в 468 г. вел упорную войну с сасанидами и был разбит шахом Ирана Перозом. Под именами кидаритов и хионитов, как известно, впервые выступают на историческую арену эфталиты, причем первое из этих имен тесно связано с именем Кердер, которым еще в X и даже XIII в. именуется северо-восточная, приаральская окраина Хорезма.

Таким образом, у нас есть все основания полагать, что «болотные городища» Приаралья являются памятниками именно эфталитской культуры, рисующими нам историю ее формирования из местных, массагето-аланских и пришлых гуннских элементов и позволяющими восстановить основные черты хозяйственного и общественно-бытового уклада «белых гуннов».

Это народ, характеризующийся комплексным скотоводчески-рыболовчески-земледельческим хозяйством, с ведущей ролью скотоводства, не имеющего, однако,

кочевого характера и сочетающегося с оседлым или по меньшей мере полуоседлым бытом, с обитанием в укрепленных общинных поселениях - «городах» (о «городском быте» эфталитов упорно говорят византийские авторы - Прокопий Кесарийский и Менандр).

Первое вторжение эфталитов в Хорасан падает на 427 г. Против них вели упорную борьбу Варахран V («Бахрам Гур», 420-438 гг.) и Ездегерд II (438-457 гг.). Варахран V разбил наголову эфталитов возле Мерва, убил их царя и украсил его короной храм огня в Азербайджане.

Ездегерду II также еще удавалось сдерживать напор эфталитов и сохранять владения сасанидов в восточном Хорасане и Тохаристане. Однако после его смерти в 457 г. эфталиты, во главе со своим царем Акшунваром, оккупировали Чаганиан, Бадах-шан, Балх, Тохаристан и Гарджистан. Кампании преемника Ездегерда, Пероза, против эфталитов в 459 и 479 гг. были неудачны.

Во время кампании 479 г. иранское войско потерпело решительное поражение. Сам Пероз был разбит эфталитами в бою и убит в 484 г. Иранское правительство, чтоб спастись от окончательного разгрома, было вынуждено платить «белым гуннам» дань.

Выступление эфталитов составляет одно из звеньев широкого наступления варварских племен на доживающий последние столетия рабовладельческий мир. На западе, на границах Римской империи, это — намеченное еще «маркоманской войной» 60-х годов II в. н. э. наступление германцев, фракийцев и сармато-алан, достигшее своей кульминации в V в., когда фронт обороны империи был прорван гуннами Аттилы, западными сородичами и тезками «белых гуннов» эфталитов. На востоке это выступление «южных гуннов» (318 г. н. э.) и последовавших за ними других варварских центральноазиатских племен — сянбийцев-тоба и жуань-жуаней, завоевавших и варваризировавших северный Китай. Но предпосылкой и условием успеха наступления варваров на северные границы древних рабовладельческих империй на всем огромном протяжении рабовладельческого limes"а от Британских островов до берегов Тихого океана был глубокий внутренний кризис самой рабовладельческой системы, проявившийся в небывалом обострении внутренней классовой борьбы — восстаний рабов, полурабов-колонов и разоряемого и закабаляемого свободного населения городов и деревень.

В середине V в. эфталиты начинают наступление в бассейн Инда. Подчинив себе владения кушанских шахов долины Кабула, они несколько раз вторгаются в Индию. В конце V в. один из эфталитских вождей, Торамана, захватывает область Малава в центральной Индии. Его сын Михиракула, вступивший на престол около 510 г., делает своей столицей город Сакала в Пенджабе. Индийская ветвь эфталитов образовала полусамостоятельное

государство, находившееся в известной зависимости от верховных правителей эфталитов, резиденция которых, по мнению Маркварта, находилась в городе Пейкенде, близ Бухары.

Китайские хроники говорят о значительном расширении эфталитских владений также и на восток. В них входили, по данным этих хроник, Кашмир, Гандхара, Вахан, Согд, Бухара. Эфталиты вытеснили из восточного Туркестана жуань-жуаней и включили в свое государство Кашгар, Хотан и ряд других городских царств.

Эфталитский период роднит с кушанским и культурно-идеологическая политика эфталитских правителей. Китайские источники и художественныэ памятники Афганистана и Мавераннахра позволяют говорить о возрождении и укреплении в эфталитских владениях буддийской религии. По словам Вэй-ши, в резиденции эфталитских царей «множество буддийских храмов и обелисков, и все украшены золотом». Мы склонны датировать эфталитским временем примерно V в., великолепные памятники монументального искусства из развалин дворца в Варахше, близ Бухары, на которые мы ссылались выше. Видимо, Варахша была одной из резиденций верховных правителей эфталитов. Стилистические особенности этого искусства и тематика изображений позволяют видеть в нем позднее ответвление индо-буддийской художественной школы, возрождение кушанских художественных традиций.

Эфталитская империя на первых порах развивается под несомненным хорезмийским влиянием. Монеты индийских эфталитов, как в свое время монеты «кушана Герая», отражают несомненное влияние хорезмийской чеканки: головные уборы царей — шапочка с полумесяцем и тамга в поле аверса монет — очень близки к хорезмийским, характеризуясь лишь большей грубостью исполнения [Толстов 2015, 184-222].

Вытесненные племенами сяньби и тоба, гунны идут на запад. Ввиду того, что Согд занят кушанами, впоследствии эфталитами, путь гуннов лежал не южнее Сыр-дарьи. На Сыр-дарье они овладевают областью Судэ, всего вероятнее согдийской колонией. Впоследствии они достигают владений аланских племен.

Путь движения гуннов на запад отмечен археологическими памятниками. Наиболее яркими являются, кроме „болотных городищ" Приаралья, вещи, инкрустированные драгоценным камнем и обведенные зернью. Эти вещи находили еще в Ноин-уле. Отмечены они были Гейкелем и нами в курганах кенкольской культуры. Развитие этих элементов прослеживается в памятниках Центрального Казахстана (Кара-кенгир, раскопки А. Х. Маргулана), Акмолинской области, в находках у оз. Боровое, в курганах под Уральском, в с. Шипово. Достигают эти памятники наибольшего совершенства в волских и южнорусских степях, о чем речь пойдет далее.

Таким образом, на территории Тяньшаня были основные центры среднеазиатских гуннов. Здесь отмечены гуннские могильники повсеместно. На севере – Кенкол, в Центральном Тяньшане – Кыз-арт, Атбаш, Арпа. Эти гуннские племена Тяньшаня были этнической подпочвой для образования особой тюркоязычной группы местных племен. В экспедиции 1949 г. в Центральный Тяньшань были открыты подбои – катакомбы I-IV вв. н.е. с ориентировкой покойника головой на запад. Вход в погребение как в алайских катакомбах – вдоль длинной оси могилы не через коридорообразный дромос, а через яму, закрытую обычно крупным камнем.

Раскопанные в 1950 г. гуннские катакомбы Соха у перевала Бадамча Даван в урочище Бор-Корбаз дали, пожалуй, наиболее поздний вариант катакомб, вряд ли раньше III-IV вв. В Сохских погребениях найден разнообразный материал и выяснена очень устойчивая картина погребального ритуала. Насыпи были земляные, иногда обведенные кольцом камней. Айвон располагался вдоль ляхата, иногда перпендикулярно и весь аккуратно закладывался каменными плитами. Покойники были ориентированы головой на север. В

мужских погребениях стояли у головы и в ногах сосуды, на поясе короткие мечи, ножи, сбоку луки с роговыми обкладками, железные черенковые трехреберные стрелы, железные пряжки с овальной рамкой и подвижным язычком.

В Сохских катакомбах ясно ощущается связь кочевников, гуннских по происхождению, с местным оседло-земледельческим населением Ферганы, как это прослеживается и в других комплексах, особенно в приферганских районах. Кочевники этих районов были более „оседлыми", чем в горных, как Тяньшань или Алай. Значение этих комплексов особенно важно для истории киргизов и узбеков. Приферганская группа кочевых племен, оставивших катакомбы, была тесно связана с кушанской культурой и,следовательно, при изучении кушанского периода игнорировать гуннские комплексы нельзя.

Нам представляется возможным утверждать, что эти гуннские племена объясняют нам, почему ни в Тяньшане, ни в Семиречье нет раннекушанских памятников. Гуннский „барьер" обеспечил за Семиречьем и Тяньшанем тюркский этногенез и одновременно был сильным источником тюркизации восточноиранских племен Средней Азии. Если на Тяньшане гунны в основном подвергались воздействию со стороны усуней, а в Фергане влиянию восточноиранских племен, точное этническое имя которых сейчас установить трудно, то в зоне Ташкентского оазиса и по Сыр-дарье они скрещивались с кангюйским и сармато(массагето)-аланским кругом племен. Эти этнические различия и хронологическая разнообразность объясняет нам варианты инвентаря, находимого при раскопках катакомб гуннского происхождения.

Первое столкновение сасанидского Ирана с гуннами-эфталитами произошло при Бахрам V Гуре, сыне Иездегерда (420-438). Сообщая об этом событии, Табари называет эфталитов тюрками. В 427 г. каган эфталитов со значительным войском (по Табари — 250 тысяч) перешёл Оксус у Термеза, разрушил города Хорасана и проник до центра сасанидского царства. Один из подчинённых Бахрам Гура, Мобед, с армией бежал к эфталитам. За большой выкуп каган освободил занятые им районы Ирана и отошел к Мерву. Бахрам Гуру удалось разбить эфталитов, убить их кагана и взять себе в жены его «хатун» (жена кагана). Вскоре был установлен союз сасанидов и эфталитов. С этим политическим актом П. Лерх связывал тот факт, что Бахрам Гур чеканил монеты типа

бухархудатов, являвшиеся денежной единицей для обращения между Ираном и Средней Азией.

Преемником Бахрам Гура явился Иездегерд II, который царствовал в 438-457 гг. С 442 до 449 гг. Иездегерд ежегодно отправлялся на борьбу с эфталитами. В 442 г. он захватил область Арач; здесь находилась его резиденция - штаб и отсюда он вёл борьбу с эфталитами. Мобед возвратился к Иездегерду после смерти Бахрама и стал его советником.

После Иездегерда II, в период Пероза и Кавада, эфталиты спорадически состояли в союзе с сасанидским Ираном. Позднее, в 513 г., Кавад разбил эфталитов, и они попали под влияние тюрок [2]. [11] Это был самый важный, решающий этап борьбы эфталитов с сасанидским Ираном.

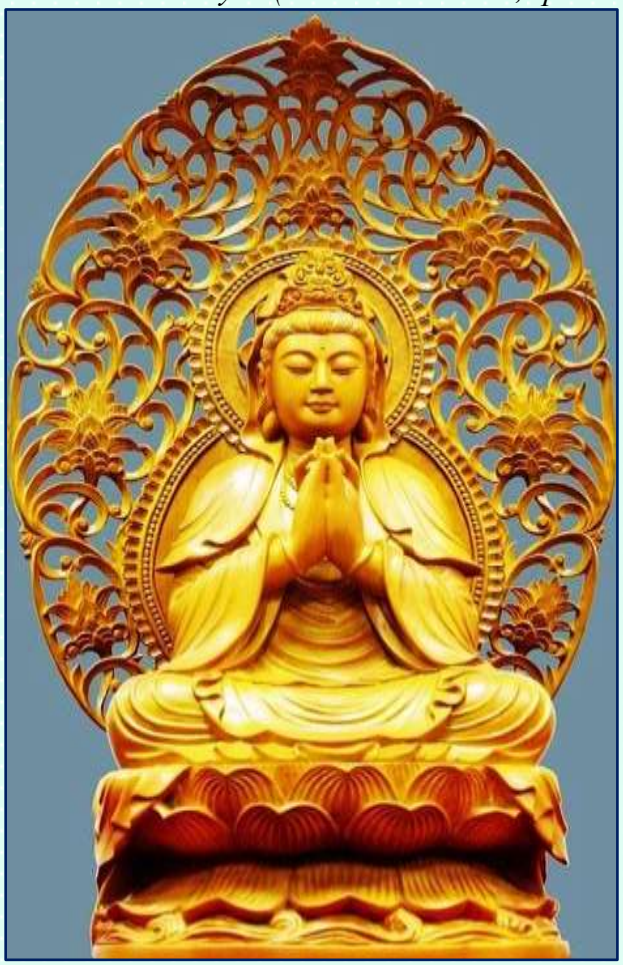
Убийство представителей сасанидской династии характерно для первого периода восстания, и в этот первый период союзниками Кавада являлись эфталиты. Не случайно историк называет «варварами» иранцев (войска Кавада), «ведших войну с римлянами» [4]. [19] При дальнейшем продвижении «римляне», т.е. византийцы, столкнулись с «восемьюстами эфталитов, представлявших передовой отряд персидского войска» [5]. [20] В дальнейшем Кавад пытался изменить характер движения, и перешёл на сторону господствующего класса Ирана, Это привело к конфликту с гуннами, составлявшими часть иранского войска, вместе с которым он вёл «в северных областях своего государства... долговременную войну» [6]. [21]

История взаимоотношений с сасанидским Ираном, особенно во времена Кавада, наглядно рисует «варварский» характер эфталитского государства, во многом сходный с социальной сущностью и прогрессивной ролью восточных и западных гуннов. Эфталитское общество было проявлением «варваризации» среднеазиатских племён после распада кушанского государства. Справедливо С. Толстов пишет, что «выступление эфталитов составляет одно из звеньев широкого наступления варварских племён на доживающий последние столетия рабовладельческий мир» [7]. [22] Не менее важна роль эфталитов в этногенезе, как связующего звена восточноевропейских племён с центральноазиатскими.

Появление гуннов в I в. до н.э. - I-II в. н.э. было чревато двумя обстоятельствами: во-первых, усилением тюркского этногенеза и формированием монголоидного расового типа, вовторых, передвижением кочевников Семиречья, Тяньшаня и Сыр-дарьи в глубь Среднеазиатского междуречья. Не без их влияния укрепляется созревшее именно в эти столетия кушанское государство, в эмблемах которого всадник (ср. монеты) играл не последнюю роль, как бы отражая значение конной армии. Культура гуннов, открытая в ряде пунктов Средней Азии (Талас - Кенкольский могильник. Центральный Тянь-шань - Кыз-Арт, Арпа и Атбаши, Сыр-дарья - могильники джунского типа, Фергана - катакомбы Соха, Исфары и Ширинсая, Памиро-Алай - катакомбы Мааша и Кызылтуу в Чон-алае), носит

характер более кочевой культуры, но и здесь археолог находит ясные доказательства связи с осёдлой культурой, например, просо, глиняную посуду из осёдлых районов. Более кочевнический характер сохраняют гуннские племена горных районов - Центрального Тяньшаня и Памиро-Алая.

Приобщение гуннов к осёдлой культуре происходило, естественно, в местах их непосредственного соприкосновения с осёдлыми племенами и прежде всего по Сыр-дарье. Наличие владений гуннов в этих районах засвидетельствовано китайскими источниками (Вэйшу) в повествовании об области Судэ (сев. часть Согда, граничащая с Сыр-дарьёй).



Сыграв значительную роль в передвижении кочевых племён Средней Азии, содействуя тем самым укреплению кушанского государства, укрепляя позиции тюркского этногенеза, коренные обитатели восточных районов Средней Азии, и прежде всего Семиречья, не говоря уже о горных районах - кочевники гунны, остались одним из важнейших резервов патриархально-родового уклада в социально-экономической истории Средней Азии. И этим гуннским племенам, вкупе с кочевыми и полукочевыми племенами остальных районов Средней Азии, выпала честь довершить разрушение мощных рабовладельческих государств, граничащих с Средней Азией с юга. Имеем в виду гунно-эфталитский разгром сасанидского Ирана в V в. н.э. [3] [4] Завоевание эфталитов было последним ударом по расшатанной маздакитским движением рабовладельческой системе персов. Да и в самом антирабовладельческом учении Маздака советские учёные видят воздействие патриархально-родовой идеологии, быть может идущей от эфталитов .

К характерным вещам гуннской эпохи следует отнести также большие котлы на высокой, полой внутри ножке, имеющей форму усечённого конуса, с двумя полукруглыми, иногда украшенными ручками. Котлы служили для изготовления пищи во время стоянок

кочевников, и высокая ножка позволяла легко разводить огонь. Объём каждого котла показывает, что пища в нем готовилась на большое количество людей. Следовательно, можно предполагать, что родовой строй был ещё в достаточной степени силён и что основой сохранения обычаев родового строя, вероятно, являлась большая семья. Только таким условиям соответствовали размеры и формы котлов. Форма котлов - традиционная: она имеет аналогии в древних котлах юго-восточной Европы, Минусинского края и Северного Китая[2]. *[8]* [Бернштам 2012, 88-162].

В первые годы царствования Пероза Иран находился в тяжелом положении. Этому способствовала почти двухлетняя междоусобная вой на, несколько лет засухи и недорода, следствием чего было недовольство и волнения среди населения и, наконец, угрозы со стороны внешнего врага. Главными пунктами нападения была северо-восточная граница Ирана, где «гунны-хиониты» и кидариты не ослабляли своего натиска. Кидариты беспокоили главным образом ту часть границы от восточного побережья Каспия, где приходилось вести борьбу еще Ездгерду II. Столкновения происходили и в области у Талакана, где к концу царствования Пероза пролегала граница государства эфталитов, сменивших кидаритов. Наконец, местом борьбы с гуннами был Кавказ. С северных предгорий, стремясь прорваться на юг, постоянно появлялись все новые орды. Защита кавказских перевалов от кочевников была не только в интересах Ирана, но и в интересах Византии. Например, крепость Юроей-паах (крепость Иверии), находившаяся у так называемых Каспийских ворот, содержалась на общие средства этих держав.

В числе очередных задач перед шахом Кавадом стояла необходимость привести к повиновению те племенные объединения, которые, пользуясь слабостью Ирана, стали действовать независимо. Кавад нашел дипломатически убедительные слова, подкрепленные наличием эфталитских войск. Племена тимуритов и кудиишитов подчинились ему. Что касается Армении, то ей пришлось испытать силу оружия персов и «по боязни, против воли» признать Кавада. Против обыкновения армяне не были разграблены, так как Кавад пообещал вознаградить их, если «они станут ему помощниками в войне с ромеями». Утвердившись, Кавад не отпустил войска эфталитов, а объединив их с воинственными тимуритами, армянской конницей и персидскими войсками, выступил против Византии в 502 г. Военная добыча была реальным богатством, за счет которого могли обогатиться все участники войны. Поход Кавада носил пре имущественно грабительский характер, все области за Тигром и у Евфрата трепетали перед его приближением. Город Амид в северной Месопотамии был подвергнут длительной осаде. После взятия его Кавадом, которому город был сдан предательски, Амид в течение трех дней грабили воины. Затем большая часть добычи была вывезена оттуда на лодках, по Тигру, в персидскую столицу, чтобы пополнить царскую сокровищницу. Угрожающее положение было у Эдессы и других городов Верх ней Месопотамии, которые подвергались нападению. Только в 506 г. был подписан мир с Византией. Византия согласилась на ряд уступок Ирану.

Подписание мира было обусловлено тем, что на северной границе обоих государств создались тяжелые условия. Гуннские племена рвались через ущелья Кавказских гор в плодородные области Азии. Каспийские ворота — проход между Главным Кавказским хребтом и южным побережьем Каспийского моря был им хорошо известен. В 516 г. гунны-савиры напали на Армению и проникли в Малую Азию.

Война на северо-восточной границе велась в сущности в течение всего царствования Пероза. В 456 г. она помешала ему вмешаться в дела на Кавказе, где Византия вела войну с лазами в Колхиде. Лазы обратились за помощью к шаханшаху, который, «занятый войной с гуннами, называемыми кидаритами», им отказал. В 468 г. персы победили кидаритов, захватили от них земли и присоединили к своему государству. Потерпев поражение,

кидариты вынуждены были уйти. Они не смогли оказать сопротивления эфталитам, и те покорили их.

Эфталиты, или «белые гунны», родственные известным по китайским источникам юэджи, образовали к этому времени мощное государство. Они стремились расширить свои границы от Хотана, где была их восточная граница, до Аму-Дарьи.

Со времени победы над кидаритами эфталиты стали непосредственными соседями персов. В состав их державы входили области Согдианы, Хорезма, они стали хозяевами «шелковой» дороги и захватили Северную Индию. Восточное побережье Каспийского моря и часть Хорасана были в их руках. Господствующие слои эфталитов приобщились к высокой и древней культуре согдийцев и хорезмийцев и своеобразно развивали ее.

King Shapur II

Новый мощный враг занял место у персидской границы и грозил ему вторжением. Для ведения дальнейших войн Перозу были необходимы деньги, которые он попытался получить в Византии. Денежные субсидии выдавались Константинополем Ирану, чтобы грозная соседка вела войну с кочевыми народами, бывшими их общим врагом. Но в этих дотациях Византия видела также способ умиротворить Иран, когда его взоры устремлялись на ее собственные провинции. Пероз считал возможным просить дотации у Византии, ввиду нападения гуннских племен на Кавказ, где охрана границы была в интересах обеих держав.

Трения между отдельными ордами гуннских племен вызвали их движение. Они двигались по побережью Каспийского моря, пытаясь пройти Дербендские ворота, но путь им был прегражден охранявшим их персидским гарнизоном. Они двинулись другим путем, через иберов (Грузию) и напали на армянские селения. Персы стали просить у Византии субсидии, чтобы иметь возможность охранять крепости Кавказского хребта, так как по мнению персов это было и в интересах империи. Однако последняя никаких денег не уделила Ирану, хотя и проявила известный интерес к борьбе Пероза с эфталитами.

Войны Пероза были длительными, и персы терпели неудачи, даже сам шаханшах попал в плен к эфталитам. Из плена шаханшах был будто бы выкуплен императором Зеноном, который и примирил его с эфталитами. Хотя некоторые источники и считают, что Пероз был в плену дважды, но, по всей вероятности, речь идет только об одном факте. Хитростью эфталиты завлекли Пероза и его войска далеко по длинной дороге, которая кончалась тупиком в горах. Часть эфталитов пряталась в засаде, другая - притворившись, что они спасаются от преследований персов, двигалась по этому пути, а за ними следовали персы. Шаху Перозу ни кто не посмел указать на грозившую опасность, кроме

византийского посла Евсевия, сопровождавшего, очевидно, по приказу императора, Пероза в походе. Евсевий рассказал ему притчу о льве, попавшему в яму.

Шах остановился, но было уже поздно, обратный путь был ему отрезан засадой, и царь эфталитов предложил ему капитуляцию. Персы сделали эфталитам некоторые территориальные уступки, отдали город Талакан и обещали платить дань. Легендарные подробности не лишены колорита. Царь эфталитов потребовал, чтобы Пероз положил ему земной поклон, который тот согласился сделать на заре, навстречу подымающемуся солнцу, спиной к которому находился царь эфталитов. Достоверным следует считать обещание, данное Перозом в письменной форме, не переступать границы государства Хайталь (эфталитов) и выплатить большую сумму контрибуции. Запрошенная эфталитами сумма была настолько велика, что выплатить всю единовременно Пероз не смог. Количество денег, уплаченных Перозом, составляло 20 мешков, а за 10 мешков он оставил «заложником и. поручителем Кавада, своего сына» - факт, сыгравший немаловажную роль в биографии последнего. Возвратившись, шах обложил подушной податью все государство и выкупил Кавада. Желая наладить мирные отношения с эфталитами, Пероз предложил в жены их царю свою сестру, но послал ему другую женщину, которая и раскрыла обман. Разгневанный царь стал просить шаханшаха прислать ему персидских военачальников для инструктажа его войск. Но когда они прибыли, царь их частью убил, частью изуродовал и послал сказать Перозу, что это его месть. Война возобновилась. Персидские войска достигли пограничного города Горго, недалеко от которого эфталиты устроили опасный подкоп. Пероз и сопровождавшие его в походе родственники погибли, войско было разбито, и даже труп царя не был найден. Обоз и гарем были захвачены, и в плен попала одна из дочерей Пероза.

Стремясь поддержать мирные отношения с Константинополем, он отправил туда посольство. В несторианском населении Ирана шах искал опоры, что тоже не нравилось персидской знати. Шаханшах после четырех лет правления был свергнут и ослеплен, а на его место поставили сына царя Пероза, Кавада I. Наиболее вероятно, что переворотом руководил Зармихр, который считал, что Кавад, проведший несколько лет при дворе царя эфталитов, способен улучшить отношения с эфталитами. В известной степени эта надежда оправдалась, но Иран продолжал выплачивать им дань.

Из этого делались соответствующие практические выводы. Но общность имущества простиралась и дальше. «Ваши жены — ваше имущество». Эти слова, приписываемые везиром XI в. Низам ал-Мульком Маздаку, вели к тому, что «в особенности простонародье» увлеклось новым учением «по причине общности имущества и женщин». Жалобы, что Маздак «растащил имущество людей, сорвал покрывало с гаремов, простонародье сделал властвующим», подтверждаются очень ранними источниками. Памятник начала VI в. (сирийская хроника Иешу Стилита) утверждает, что Кавад обновил отвратительную ересь магизма зарадуштакан, которая учит, что женщины должны быть общими и каждый может жить с кем хочет». Общность имущества была социально острой идеей, которая надолго сохранила свою силу в последующих народных движениях на востоке. Полигамия у персов имела место в высших слоях населения, у знати. Групповой брак был широко распространен у массагетов, как он известен и у эфталитов.

Однако знать и жречество в 496 г. взяли верх и поставили шахом Замашпа. Кавад был вынужден бежать к царю эфталитов Ахшунвару, где он был оставлен заложником еще своим отцом Перозом. Легендарные сказания утверждают, что он бежал из тюрьмы, куда был брошен своими врагами. Породнившись с царем эфталитов (Кавад женился на его дочери), он убедил своего тестя, «плача перед ним каждый день», дать ему войско, с тем чтобы он мог вернуть свое царство. В 499 г. он вернул его без особого кровопролития, опираясь на симпатии некоторой части знати и царской семьи. Для этих групп

маздакитское движение было способом ослабить своих врагов, как и выражением борьбы светской знати со жречеством. Что касается шаха Замашпа, он отказался от борьбы и в страхе бежал.

Между 563 и 567 гг. Хосрову удалось разбить эфталитов, гибель которых была подготовлена повторными нападениями тюркских племен, объединенных около 552 г. каганом Сильджибу (Истэми). Молодая тюркская держава привлекла внимание Византии, которая обменялась с ней целым рядом посольств, описание одного из которых — посольства Земарха в 568 г. сохранилось в труде греческого историка Менандра. Византийская дипломатия стремилась завязать непосредственные отношения с тюрками, чтобы, минуя Иран, получать через них драгоценный китайский товар — шелк. После падения державы эфталитов непосредственными соседями персов стали тюрки. Границей между каганатом и Ираном стал Оке — Аму-Дарья.

Как и прежде, центральное место в культе занимало поклонение огню, и пирей — священный жертвенник, на котором горело неугасимое пламя, оставался любимым предметом изображения на всякого рода изделиях. Как и прежде, многочисленное жречество, от могущественного мобедан мобеда до полунищих магов, шептало и бормотало священные слова Авесты, поддерживая очистительный огонь особыми сортами дерева. По-прежнему в великом святилище в Шизе и в скромных алтарях селений курился дым, но былое величие зороастризма было подорвано. Идеология зороастризма изжила себя, форма сохранилась, содержание – выдохлось.

Маздакитское движение нанесло тяжелый удар как самой системе, так и положению зороастризма в государстве. В VI в. мобедан мобед теряет первое место в списке чинов государства и занимает место после виднейших светских должностей. С зороастризмом удачно соперничало христианство [История Ирана 2016, 2-82].

В Средна Азия прабългарските племена и народи в продължение на 4-5 века навлизат във възможно най-близко-тесен и интензивен етнолингвистичен контакт и взаимодействие с ахеменидските, а след това и със сасанидските перси, стигащ даже и до сключването на

голям брой династични бракове (Каланкатуаци). По принцип персийските царе и князе се женят за българки, поради тяхната голяма хубост и красота, без при това да са изключение и случаите, когато по чисто политически съображения за жени на български ханове се дават и персийски принцеси. Към първата група по-специално спада случаят с прочутата Турандот, в действителност Tūrānduχt, името на която се образува на основата на етним **tūrān* „българин" и срперс. *duxt* „дъщеря", т.е. като цяло, първично-основното значение на жлим *Турандот* е „дъщерята на българина" [вж. и срв. Justi, 492-493].

Пак през тази епоха и в условията на същия етнолингвистичен контакт и взаимодействие, отделни ирански семейства, пък даже и цели родове и племена се присъединяват, а впоследствие се и инфилтрират и интегрират в български родове и племена. По този начин те привнасят и закрепват в българския език, антропология, материална и духовна култура не само отделни елементи, но дори и цели комплекси от своя език, антропология, материална и духовна култура. Така иранските племена и народи и в частност персите от Средна Азия през периода I-VII в. оказват върху прабългарите своето дълготрайно-благотворно влияние и въздействие, в резултат на което прабългарите излизат от този етнолингвистичен контакт и взаимодействие и се появяват на границата на Европа вече като частично иранизирани тюрки: *Тогда, услышав все это от гонцов, великий царь Хосров двинулся как поток или как лев на охотников, или как медведица, у которой убили медвежат. И хотя он хорошо видел, как они объединились и ополчились на него, но по дальновидности своей не показал ничуть своего страха или робости перед ним, но ответил ему гордо, с великими угрозами: «Пойди, скажи царю своему и брату нашему, что с давних пор род ваш был чтим и почитаем предками моими и мною так же как род брата любезного, и мы с сыновьями и дочерьми сроднились друг с другом. И ныне не должно и не пристойно тебе оставлять своих же и повиноваться словам слуги моего, удальца ромейского». С этим туркан и вернулся в свою страну* [Каланкатуаци, 105].

After the death of Kawad's son, Xosrov, his son, Ormazd, ruled over the land of Iran [579-90]. [Ormazd's] mother, Xosrov's wife named Kayen, was the daughter of the great Xak'an, king of the T'etalats'ik'. Thus [Ormazd] inherited a bad [nature] from his father's line, but an even more bestial [nature] from his mother's line [Sebeos, 11].

The Hephthalite troops retreated, but then Akhshunvar ordered deep pits to be dug, lightly timbered over and topped with soil. These booby traps, laid in the path of the pursuing Sasanian army, played a decisive part, breaking its battle formation and ensnaring many soldiers. Peroz was killed and many of his retinue, including his daughter, were taken prisoner by the Hephthalites, who seized his treasure. One of Peroz' followers, called Sukhra, subsequently managed to retaliate and forced the Hephthalites to with draw.16 A similar account is given by al-Dinawari.17

Following internecine conflict over the Sasanian throne, one of Peroz' sons, Kavad, fled to the Hephthalites. Having lived with great honour among them for four years, he married the daughter or sister of the Hephthalite king, who provided him with troops.

Kavad seized the throne with these troops in 488, becoming king of Sasanian Iran.18 As a result of political and kinship ties, the Hephthalites subsequently took part in Kavad I's military campaigns and Hephthalite troops armed with cudgels were present at the siege of Edessa.19 [History of Civilizations 2013, 142-143].

В Средна Азия и преди VI в. хионитите се разпростират и заемат най-напред сравнително голяма част от земите по поречието на реките Амударя, Сърдаря, Чу и Или. Впоследствие, най-малко десетина на брой, отделни ефталитски и хионитски княжества възникват не само по тези земи, но и към брегoвете на Каспийско море. По този начин прабългарите се установяват и контролират също така и разположената между първите две реки географска област Туран. В началото и основата си макротопонимът *Туран* е собствено ирански по произход и значение, защото още от най-древни времена наименованата чрез него територия се населява от ирански племена и народи. След навлизането и установяването обаче по тези земи на българските племена и народи, а впоследствие и на други тюркски племена, той започва да се свързва предимно само с тюрките и главно с ефталитите, хионитите и хазарите българи.

Видно не само от графиката, езика и съдържанието на надписа, но и от тамгата над него, тъкмо ефталитски княз от западна Средна Азия подарява на сина на Атилла, хан Денгиз безценно позлатено сребърно блюдо за хранене с многозначителен и дълбоко съдържателен надпис на самобитно-автентичен прабългарски език.

Също много интересно и дори неповторимо, но бъдещото причастие на ***-iq*** се наблюдава още и при надписа върху блюдото за хранене и на друг един прабългарски хан, който обаче е от по-ранно време и въпреки това е не по-малко забележителен и значим за българската история, защото тук става дума за блюдото на убития през 469 г. Денгизих [Gyuzelev 1979, 11], синът на пак българския хан Авитохол, повече известен като Атила.

Както пише А. Мухамадиев [2004], блюдото от позлатено сребро на хан Денгизих с диаметър 28 см е намерено през 1893 г. в с. Керчев, Чердински уезд, Пермска губерния. От вътрешната му страна е изобразен цар на кон, който пробожда с прав меч връхлитащ глиган, главата на царя е увенчана с корона като рога на овен, над тях има кръг, който трябва да символизира Слънцето, лицето на Царя е с брада, мустаците му са завити нагоре, на дясното ухо, което се вижда, има обеца.

Към така направеното описание, ние пък, изучавайки по-внимателно-подробно Изображението от снимката на Блюдото в Интернет, смятаме за необходимо да добавим още и това, че според лицевите си черти, антропологически, Царят е средноазиатски европеид, т.е. иранец с тясно-продълговато лице и дълга остра в края брада; косата му, отзад под короната, но по-скоро висока конусообразна шапка, известна в иранистиката и тюркологията като кюляф, тур. külâh, е почти във вид на топка, на кръста си има много къса поличка, не може да се разбере дали е с панталони, но ако има такива, те трябва да са много тесни и прилепнали; десният му крак е рязко прегънат в коляното и с горната част на ходилото лежи върху задницата на коня; конят му е придаден отзад-отдясно с извита надясно глава с добре очертани ремъци на юздата, приклекнал на задните си крака сякаш, за да посрещне тежестта от момента на пробождането на глигана, опашката на коня е сплетена във вид на къса, тумбеста шишарка, палдъмът, подопашникът му в частта си върху задния десен хълбок си личи много добре, широк кожен колан с тесен кант в горния край, от който висят наредени една до друга крушообразни фигурки и други детайли, които в определен момент и в конкретен аспект също така може да се окажат достатъчно съществени и значими.

На дъното на блюдото има тамга, която напомня хорезмийските, но се отличава от тях в детайлите, и след това с великолепен почерк и много квалифицирано е изгравиран "туранси надпис", който се отнася за "езика на западните хуни"(!?) – "надпись относится к языку западных гуннов" и в него го има името, но по-добре в оригинал: "не говоря уже о наличии в надписи имени царя Диккиза - сына правителя государства "Скифии и Германии" Аттилы".

Тъкмо този рунически надпис тук се транскрибира най-напред като "kiŋkeg dikkiz ükü kessä - kijü sax sax saxyŋil gür täŋrig", където с по-малки букви са посочени липсващите в руническия надпис, но тук възстановени знаци, и едва след това в процеса и в резултат на анализ, за който се привличат думи и от други тюркски езици, както и културно-исторически сведения и данни, колко странно, се прави и превод на отделните думи и словосъчетания от текста на Надписа, но на откъснато-отделни части и без да се предлага какъвто и да е сводно-обобщителен текст(!?), именно поради което и ние изваждаме и привеждаме от отделните абзаци следния доста необичайно-неортодоксален и надали изобщо разбираем "превод": 'короля'-'Диккиз'-'разрубит'-'особый' или 'любимый удар мечом'-'будь бдителен!' или 'остерегайся!'-'будь вытесненным' или 'будь всунутым'-'к Богу загробного мира'(!??).

Без да имаме сега възможност да анализираме и преценяваме поотделно и докрай основанията и аргументите на това много странно творение, което трябва да наричаме още и "превод", посредством конкретен критичен анализ с помощта на необходимите и достатъчни културно-исторически и лингвистически сведения и данни и по този начин да посочваме и неволно, да се надяваме, допуснатите груби грешки, нека все пак да обърнем внимание, че никак не може да се приеме за издържан от каквато и да е гледна точка пасажът "Третье слово ики - в древнетюркском языке уга - означает 'мудрый', следовательно в данном случае это слово является титулом. Приводимое Приском имя сына Аттилы в форме Диггизих, включало, видимо, и титул", защото главно и основно прилагателното име определение никога и нито в "древнотюркския език", нито пък в съвременните тюркски езици не може да се разполага след определяемото собствено име, това не е

индоевропейският френски език, пък не са дори и славянските езици, затова няма никакви основания в "думата *ики*" да се търси или от там да се изважда "прилагателното име *уга* "мудрый". Ние не си спомняме дали Приск се среща или вижда Денгизих, на "приема" при Атила, той повече от сигурно вижда Ернак и дори и разпитва за него, но ако и в онези части от неговата хроника, които в момента на нас не са ни достъпни, въпросното име е изписано с два пъти гама, каквито изписвания вече сме виждали в други източници, то тъкмо това повторение обозначава ни повече, ни по-малко назализирания зв. ***н,*** така че и за нас Името трябва да се транскрибира като Денгиз, поради характерната за прабългарския език редукция на първата гласна, възможно също и като Дингиз, но независимо от това и във всички случаи за нас ще си остане много-много голяма загадка на каква база авторът заключава, че "имя сына Аттилы в форме Диггизих, включало, видимо, и титул"(!??) [1-7].

Не само поради това ние си позволяваме да внесем някои поправки и добавки в така изведената от оригиналния рунически надпис транскрипция, в резултат на което според нас този надпис в използуваната тук латинизирана графика трябва да получи вида *Kiŋkeg Dengiz jikü käse! Kijü, čox-čox saxyŋil, gür Täŋrig*!

Съответно на тази транскрипция и в рамките и на основата най-напред на тюркските езици по принцип, централно-водещ компонент сред които за нас като най-близки и познати, са старият огузски език и новият турски език, и на болгарските езици и диалекти в частност, един от които е и прабългарският език, но по-точно, южнодунавският диалект, а може би диалекти на Аспаруховите българи, Надписът задължително получава следния превод на български език, а именно:

Блюдото, от което да се храни хан Денгиз!
Човече, бой се много от Него, могъщ е Тангра!

Ясно, просто и красиво, няма какво да се каже повече, може единствено да се съзерцава, но понеже все пак трябва да се завърнем на основната си тема, нека само да забележим, че и в този прабългарски надпис е употребено и се среща собствено-специфичното прабългарско бъдещо причастие на ***-iq*** и то в неговия фонетичен вариант, еднакъв и

тъждествен по линията на съгласния си звук на причастието от Надпис № 21 от Златното съкровище "Надь Сент-Миклош", от където пък трябва да се направи изводът, че хуноболгарският или още севернодунавският прабългарски диалект в границите на Западнохунската империя от средата на V в., тъкмо в този си пункт или сектор се характеризира с напълно тъждествени черти и особености със севернодунавския прабългарски диалект от X в. - наистина какви ли изводи и заключения трябва да се направят от този напълно достоверен и неоспорим лингвистичен факт за историко-генетическите връзки и взаимоотношения между хунобългарите на хан Атила от средата на V в. и отвъддунавските прабългари от края на края на X в.!?!? [Добрев 2005, 406-409].

Допълнително към *хунк-хунгар* и външно присвоено наименование на хионитите е още и етним *тюрк*. Затова при иранските си съседи и по-специално при персите, те са известни и като турган, торкан и др., т.е. все общоиранско, включително и персийско множествено число на етним *тюрк*. Тези си наименования князете на хионитите нанасят върху монетите, които те секат, но те се срещат и върху съдовете, които пък други лица им подаряват. Самите надписи са изпълнени на собствено-специфичната хорезмийска графика, основаваща се на арамейското писмо, което пък от своя страна хионитите заимстват от хорезмийците иранци: *As archaeological work proceeds, increasing information is coming to light about the language of the people of Khwarizm in the period covering the third to the eighth century. Apart from inscriptions on coins and dishes, we now know of over 100 inscriptions on ossuaries, dozens of documents on skin and wood from Toprak-kala and 2 documents from Yakke-Parsan (eighth century). It has been established that the Khwarizmian language was related to the East Iranian group, while the writing was based on the Aramaic script. The inscriptions record dates of the Khwarizmian era, forms of greeting, proper names, terminology reflecting patrilineal kinship, and the names of the 12 months and of 18 days (out of 30), which may enable us to fill in some gaps in al-Biruni's data concerning the Khwarizmian calendar* [History of Civilizations 2013, 240].

Причины появления на монетах в большей части Среднеазиатского Двуречья, за исключением Бактрии, титулов арамейского происхождения остаются неясными. Не исключено, что это связано с распространением арамейской письменности и языка, ставшего здесь, как в Ахеменидском Иране, официальным языком и письменностью административного аппарата государства, делопроизводства и т.д. Во всяком случае, первые памятники древнехорезмийской (или еще арамейской?) письменности арамейского происхождения, обнаруженные к настоящему времени, относятся, по мнению В. А. Лившица, уже к IV-III до н.э.

Арамеи - народ северосемитской группы, первоначально обитали в Сирии, а с конца II начала I тыс. до н.э. переселились на территорию Средней Месопотамии. Арамеи восприняли финикийское письмо и усовершенствовали его, несколько видоизменили формы графем - знаков письменности, ввели пробелы и обозначения гласных. Арамейское письмо было буквенно-слоговым. В начале и в конце слова гласные, как правило, обозначались, в середине слова буква могла выражать либо только согласный, либо целый слог (согласный и гласный). Со временем арамеи стали применять обозначения гласных, чаще всего долгих, и в середине слова, но делали это весьма непоследовательно.

Древнейшие памятники арамейского письма IX-VIII вв. до н.э. найдены на территории Сирии (Бар-Хадад) и юговосточной Турции (Зинджерли).

В VII-VI вв. до н.э. арамейское письмо, легкое для изучения - оно насчитывало всего около 20 букв, - сильно потеснило громоздкие системы клинописи, ранее господствовавшие в Передней Азии - аккадскую, эламскую, урартскую. В огромной по территории и разноплеменной империи Ахеменидов, почти во всех сатрапиях - от Малой Азии до Северо-Западной Индии, в том числе и в Средней Азии, арамейский язык стал основным средством общения, языком административного управления и канцелярского делопроизводства.

Согласно Геродоту, у каждого сатрапа Ахеменидской империи были так называемые царские писцы, которые читали грамоты, посылаемые царем. Более того, грамотой в ней владели и знатные люди, приближенные царя. Когда царь Дарий решил отправить к сатрапу Лидии Орету знатного перса Багея, то последний написал по поручению царя несколько грамот и по прибытию в Сарды - столицу Лидии дал их для прочтения царскому писцу (Геродот III, 128). Писцы-арамеи писали документы чаще всего под диктовку местных чиновников - персов, мидийцев, парфян, бактрийцев, согдийцев, производя в уме перевод на арамейский язык, такая же процедура совершалась и при чтении полученного в данной сатрапской канцелярии документа: он устно переводился писцом с арамейского на местный язык. В результате такой практики постепенно выработались системы арамейско-местных лексических и грамматических соответствий. В то же время арамейский язык документов стал испытывать сильное влияние со стороны местных языков, в нем появились заимствованные слова (главным образом, административные термины) и целые выражения из местных языков, менялся арамейский порядок слов.

По-видимому, уже в это время жители Средней Азии освоили арамейскую письменность. Об этом свидетельствует арамейский папирус, найденный наряду с другими папирусами, на острове Элефантина в низовьях Нила. В этом документе, датированном 464 г. до н.э. речь идет об имущественном споре на обладание земельным участком между хорезмийцем Даргаманом, служившем в военном гарнизоне на острове Элефантина из отряда Артабана и иудеем Махсеем из другого отряда этого же гарнизона. Этот документ, начинающийся со слов «Даргаман, сын Харшина, хорезмиец из отряда Артабана в крепости в Элефантине сказал Махсею..., ”показывает, что выходец из Хорезма Даргаман, проживающий на острове Элефантина вместе с семьей, знал арамейский язык и письменность.

В Средней Азии старейшим памятником арамейского письма является краткая надпись на сохранившимся хуме, найденном при раскопках городища Большая Айбуйир-кала (Северный Хорезм) археологом М.Мамбетуллаевым. По начертаниям букв и по археологическим датировкам она может быть отнесена к V или IV вв. до н.э. На городищах Хорезма найдено еще несколько надписей на керамике, однако краткость их (как правило, они содержат только хорезмийские имена собственные) не позволяет решить, имеем ли мы дело с арамейским текстом или уже с хорезмийским, выполненным практически тем же письмом. Таковы некоторые надписи из Койкрылганкалы - памятника, относящегося, по мнению археологов, к периоду от IV-III вв. до н.э. до I в. н.э.

К числу наиболее ранних арамейских надписей, датируемых III-IV вв. до н.э. относятся еще две. Одна из них надпись на перстне печати из Амударьинского клада. Она состоит из четырех знаков, нанесенных поверх изображения человека быка Гопатшаха, и передает имя божества Амударьи - Вахшу. Другой памятник - это арамейская легенда на золотых монетах, передающая имя Вахшувар в (греческой транскрипции Оксиарт).

На соседней со Средней Азией территории современного Афганистана - в области древней Арахозии - была найдена большая серия арамейских надписей на предметах из зеленовато-синего камня - ступках, пестиках, блюдах, которые играли важную роль в обряде приготовления хаомы, почитавшегося священным напитком у всех зороастрйцев. В этих надписях содержатся, в частности, имена арахозийских ремесленников, очень близкие бактрийским, согдийским и другим древним восточно-иранским - старейшее собрание таких имен для всего Восточного Ирана и Средней Азии.

После падения государства Ахеменидов под ударам армий Александра Македонского арамейская канцелярия в Средней Азии продолжала сохраняться, хотя греческий язык и письменность также применялись в делопроизводстве. В Парфянском царстве некоторое

время функционировал арамейский язык наряду с греческим, в возникшем Греко-Бактрийском царстве основным языком управления был греческий.

К первой половине II в. до н.э. относится остракон, найденный на городище Ай-Ханум с письмом арамейского происхождения. Язык этого краткого текста хозяйственного содержания – всего три неполных строки и приписка (или более ранний, но не смытый текст), сделанный другой рукой - по мнению П. Бернара и В.А. Лившица, скорее всего, бактрийский, а не арамейский. Находка в Ай-Ханум показывает, что в Греко-Бактрийском царстве, очевидно, на всем протяжении его истории наряду с греческой действовала и арамейско-бактрийская канцелярия, обслуживавшая, прежде всего, местное население.

Любая письменность, как правило, очень консервативна и традиционна. Эта особенность связана с одной из важнейших ее функции - хранить культурное наследие в памяти многих поколений. Неудивительна поэтому стойкость традиции арамейского письма в Средней Азии и Восточном Иране, в том числе в Бактрии, даже в период господства здесь эллинов.

Бактрийско-арамейская письменность существовала и в Термезе в первые столетия нашей эры, в период владычества Кушан. Об этом, как установил В.А.Лившиц, свидетельствует краткая, всего одно слово, надпись на черепке, найденном Л.И. Альбаумом при раскопках буддийского комплекса Фаязтепа.

По-видимому, арамейским, но еще не согдийским письмом, выполнены легенды на подражаниях тетрадрахмам Евтидема, обращавшихся в Бухарском Согде, наиболее ранние экземпляры которых относятся ко II в. до н.э. Арамейским письмом, наряду с греческим выполнены легенды на подражаниях монетам Антиоха, начало чеканки которых в Самаркандском Согде приходится на конец III - начало II в. до н.э. Некоторые исследователи считают, что упомянутые легенды выполнены согдийским письмом и на согдийском языке, однако определить это невозможно, ввиду их краткости. В легендах обычно указывались имя царя и титул, который передавался, кстати, не согдийским, а

арамейским словом MR'Y, как и второй титул, встречающийся в легендах на монетах также арамейский - MLK'. Поэтому о замене арамейской письменности на местную согдийскую и хорезмийскую в первых веках до н.э. говорить преждевременно. Хотя общеизвестно, что где-то на грани III-II вв. до н.э. единое прежде арамейское письмо распадается на ряд разновидностей - еврейское квадратное, пальмирское, набатейское.

В Средней Азии появление местных письменностей, возникших на арамейской основе, и вытеснение как собственно арамейской, так и греческой письменности произошло позднее. Аналогичный по времени и содержанию процесс замены греческих легенд происходит и в Хорезме. Наиболее ранние монеты в этой области - подражания тетрадрахмам Евкратида с частично искаженной греческой легендой группы А, датированные второй половиной II в. до н.э. - I в. до н.э. Краткая хорезмийская или еще арамейская легенда появляется лишь на монетах группы Б, начало чеканки которой относится к середине I - началу второй половины I в. н.э. Начертание букв в этих легендах на монетах еще мало чем отличается от подлинно арамейских букв. К тому же титулы в надписях на этих монетах только арамейские Мрай - правитель и Млка - царь.

Итак, судя по легендам на монетах, греческое и арамейское письмо заменяется в Согде и Хорезме на местные системы письма (на арамейской основе) в I в. н.э. То же наблюдается и в Парфии, где с приходом в середине I в. н.э. младших Аршакидов греческие легенды на монетах, заменяются на парфянские. Несколько позднее этот процесс затронул Бактрию, где только в первой половине II в. н.э. греческие надписи на монетах заменяются на бактрийские по содержанию и исполнению. Вместе с тем можно полагать, что процесс замены арамейской письменности и языка на местные системы был весьма продолжительным и начался, вероятно, в первые века до н.э. Установление этого события затрудняет в первую очередь то обстоятельство, что наука не располагает находками пространных текстов, выполненных, к примеру, согдийской или хорезмийской письменностью на этих же языках. Фактически самые ранние из них относятся к II-III вв. н.э. (Хорезмийские тексты из Топрак-калы) или к началу IV в. н.э. (Согдийские старые письма). Имеющиеся же в распоряжении науки краткие легенды на монетах показывают, что начертания букв на них еще весьма близки арамейским, а среди надписей II-I вв. до н.э. трудно отличить, к примеру, парфянскую надпись от хорезмийской или согдийской.

Еще одним видом местной письменности Средней Азии была хорезмийская, но в отличие от согдийской и бактрийской она была распространена в основном лишь на территории древнего Хорезма. Памятники древнехорезмийской письменности выявлены в 1930-х гг. Их открытие - целиком заслуга Хорезмской археологоэтнографической экспедиции, возглавляемой А. В. Столетовым. Ему же принадлежит приоритет и в первых расшифровках легенд на монетах, выполненных этой письменностью. Подлинное понимание самой письменности стало возможным после находки в 1948-1949 гг. архива хорезмийских документов на коже, на деревянных палочках и дощечках при раскопках Топрак-калы. Однако многие из документов на коже истлели и от них остались лишь обрывки со слабыми следами букв или отпечатки текстов на глине, доступными для чтения остались лишь восемь документов на коже. Сохранилось также более 20 целых и фрагментов документов на деревянных палочках и дощечках. Их первое чтение было осуществлено С. Толстовым, а затем дополнено и исправлено В. Хеннингом, позднее В. Лившиц дал полную их публикацию с чтением и переводом. В последующие годы был найден еще ряд хорезмийских надписей на керамике и оссуарии из Ток-калы. Одновременно продолжалась работа над уточнением хорезмийских легенд на монетах. Выдающаяся заслуга в их чтении, переводе и интерпретации принадлежит В. Лившицу.

Исследованию языка этих надписей способствовало то обстоятельство, что хорезмийские слова и фразы сохранились в арабоязычных сочинениях XII-XIII вв. и в

особенности в книге хорезмийского законоведа ал-Газмини «Приобретение желанного» (всего около 3 тыс. слов). Кроме того, в «Хронологии» Бируни (973-1048 г. н.э.) зафиксированы хорезмийские названия дней, месяцев, созвездий и праздников, а отдельные хорезмийские слова приведены арабскими и персидскими географами X в. - Мукаддаси, Истахри, Ибн-Фадланом. Все эти средневековые памятники хорезмийского языка были подробно исследованы А. Фрейманом, а несколько позднее В. Хеннингом и А. Мак-Кензи.

Хорезмийское письмо возникло на основе арамейского и долгое время, как и согдийское, сохраняло арамейские идеограммы, которые употреблялись только на письме, но не в живой речи. По этой причине хорезийскую письменность, так же, как и другие виды письменности на арамейской основе, зачастую называют идеографической. Направление хорезмийского письма - справа налево горизонтальными строками. Количество букв его алфавита доподлинно неизвестно. Гласные, как и в других письменностях арамейского происхождения, писались крайне редко. Всего, по подсчетам В. Лившица, употреблено 20 букв арамейского прототипа из 22, причем три буквы отмечены только в идеограммах, как и еще две буквы. Следовательно, практически лишь 15 букв использовались в топраккалинских документах для передачи слов «живого» древнехорезмийского языка.

Документы на коже представляли список поступлений, в частности, вина и муки от отдельных лиц, возможно, в государственные хранилища. Но особенно интересны документы на дереве, среди которых выделяются три категории:

1. «Списки домов», содержащие перечень имен свободных и домашних рабов, из которых состояла большая семья.

2. Налоговые документы, в которых приведены сведения о доставке и выдаче колес и других предметов.

3. Бирки, содержащие, вероятно, имена собственные.

Наиболее интересны из них «списки домов», расшифровкой которых занимались С.Толстов, В.Хеннинг, но особенно большой вклад в их понимание внес В. Лившиц. Эти документы отражают состав большой и малой семьи и дают представление о характере рабства в Древнем Хорезме.

К примеру, в документе имеются имена 21 мужчины, из которых одно принадлежит домовладельцу, два других - его сыновьям, одно - зятю и семнадцать - рабам, причем 12 рабов принадлежали домовладельцу, его сыновьям и зятю, два - его жене, два – внукам и еще один раб являлся собственностью наложницы.

Документы из Топрак-калы - единственные в своем роде письменные свидетельства, ценнейшие источники о составе семьи в древний период истории Средней Азии. Для наглядности приведем текст документа №1 в переводе В.Лившица, заменив латинские обозначения имен (как у него в статье) на кириллицу: «Дом Гаунашами: Гаунашами; (сыновья) - впервые присутствующий М..., впервые присутствующий Фрийафхваш, зять Гауфарнак; рабы: Сагайдак, Катфанак, Душитанак, Хвашак, Фработак, Мартиасак, Михрибиртак, Хварзбанак, Пандакасак, Саубагдак, Беварсавак, Вах(у)швари; эти рабы жены (домовладыки) - Размбеварак, Питанак, рабы детей - как, Фарнабгавак, раб сына наложницы, впервые присутствующий Дагтеганак...

Другие древнехорезмийские надписи очень кратки по содержанию: легенды на монетах, надписи на глиняных фрагментах сосудов. Особый интерес представляют надписи VII-VIII в. н.э. из Токкалы, выполненные черной «тушью» на крышках и стенках оссуариев. Надписи нанесены по вертикали в одну или несколько строк и содержат, как установил В.Лившиц, имена собственные и даты с указанием дней и года по древнехорезмийской эре, начинавшейся в середине I в. н.э. Определена еще одна группа хорезмийских надписей VII-VIII в. н.э. на серебряных сосудах, найденных в Прикамье, куда они попали по трассам меховой торговли. Эти надписи содержат даты: день, месяц, год, а также имя владельца, обозначения веса.

Громадный урон памятникам древнехорезмийской письменности был нанесен в начале VIII в. во время похода на Хорезм Кутейбы ибн Муслима, по приказу которого, как пишет Беруни, уничтожались целые библиотеки. Несмотря на начавшуюся замену древних среднеазиатских письменностей на арабскую и последующее повсеместное ее господство, здесь хорезмийский алфавит, по мнению В. Лившица, продолжал использоваться еще в начале XI в. [Ртвеладзе 2011, 64,128-150].

Разчитането, транскрипцията и преводът на оставените от хионитите хорезмографични надписи върху монети и съдове се правят тук на основата и след по-ранното разчитане и превод на А. Мухамадиев [2015, 2-33]. Всички те обаче, както си проличава особено добре от съпоставката на долуприведените извадки от нашите монографии с цитатите от неговото проучване, в никакъв случай не може да се приемат даже и за минимално сполучливо-точни и удовлетворителни. Именно поради това възниква и необходимостта от съвсем нова и коренно различна транскрипция на хорезмийската графика, основателността и правомерността на която се потвърждава и от нашето публикувано вече разчитане и превод на два от тях, сравнително обемисти надписа, а именно този на сина на Атила, княз Денгиз и на княза на хунуг (Ив. Добрев).

Допълнително към всичко това, тук непременно трябва да се отбележи още, че докато лексиката на хорезмографичните прабългарски надписи по принцип е българска най-общо или прабългарска/болгарска в частност, то морфологията и синтаксисът на някои от тях са ирански и по специално, персийски. Без всякакво съмнение тук прабългарска по

принадлежност и употреба е и заетата от иранските езици лексика. Такъв е случаят например с иранската по произход лекс. *хум,* която в действителност е заетата и адаптирана в прабългарския език средноперсийска лекс. *humb* „кувшин", от иран. **humba-* [вж. Основы иранского языкознания 1981, 31]. Всичко това показва и доказва, че въпросните князе имат за роден или майчин език някой от местните ирански езици или пък най-малкото, че те са двуезични и с еднаква лекота ползват както родния си български език, така също и допълнително придобития, но много добре овладян и усъвършенстван ирански език.

Що се отнася пък до разчитането на втората дума от надписа върху монетите, то тук без всякакво съмнение е налице собствено българската, но не волжскобългарската, а средноазиатската форма на иранската по произход прабългарска лексема **тäнк,* преминала и заета и в староруския език във вида *денги* (Ив. Добрев). Не само по фонетико-семантически, но и по културно-исторически съображения, много малка е вероятността въпросната лексема да има за основа угрофин. **dajiŋ* [вж. и срв. Шервашидзе 2015, 85]. Непосредствено-пряка генетична основа на руската дума е вболг. *даник,* изписването на което върху монети от XIV в. може да се види по-долу [срв. Мухамадиев 2015а, 24-40]. Същата дума се знае и употребява през XV в. от потомците на волжските българи не само в Приволжска Русия, но даже и в сравнително отдалечени от нея несъседни страни на запад, север и изток, особено добре видно от пътеписа на Афанасий Никитин (Ив. Добрев). Думата е заета и в китайския език, без обаче да се смята за достатъчно обосновано и доказано, че произхожда именно от санскрит (A. İnayet).

Освен това тенге е най-широко разпространената парична единица в Средна Азия дори и чак около средата на XIX в. (A. Вамбери). И най-после, именно тук никак няма да е излишно да се отбележи още, че настоящата парична единица на Република Казахстан се нарича тенге, което може да се види на поместената по-долу на юбилейната монета за Атила. Никак не е изключено, казахският народ да приема точно тази парична единица още и поради това, че прабългарското по произход племе на Дулатите в действителност е ядрото, върху което възниква и се образува казахската народност.

Между впрочем, в късноантичните и ранносредновековните тюркски езици освен това е широко разпространена най-вероятно източноиранската по произход титл. *šad* "принц", която от своя страна не може да бъде "вариант на иран. *Xšyd, Ihšēd",* а безспорно-очевидно има за съответствие или е продължение на авест. *xšaeta-* "сияющий", *xšaya-* "князь", согд. *xšyd,* стперс. *xšāyaθiya-* "царь", парт. *axšēnd* "принц", всички от иран. **xša(y)-* "сиять;

властвовать” и с други такива форми в иранските, тюркските и арабския език като *ahšād, ahšed, ihšad, īšad, īšā,* докато засвидетелствуваното при М. Каланкатуаци [1984] “хунско” мли *Шат* на хан Кубрат още докато е принц или княз, както по-подробно ще се обоснове и види в последната глава на настоящото изследване, несъмнено включва източноарменската беззвучна съгл. *t',* която според нас субституира и предава не някакъв си интердентален хазарски звук (P. Golden), а съответния кавказоболгарски звучен съгласен зв. *d* [вж. и срв. Golden 1980, 41-208; Абаев-4, 236; Радл-4.1, 971; AirWb, 541] [Добрев 2005, 169].

При това положение вече и споменаваният от Мовсес Каланкатуаци Шат може и трябва да се отъждестви единствено и само с хан Кубрат, който тогава все още е принц, а не с неясно точно кой тюркутски вожд, както без всякаква аргументация допуска P. Golden [1980, 51], още по-малко пък с първото лице след хагана или заместник-предводителя при хазарите (В. Гукасян; К. Brook). При това предният проучвател изобщо не е в състояние да осмисли и анализира последното във връзка и контрапункт със засвидетелствуваната от Ибн Руста, но чак за много късния вече IX и дори и за началото на X в., хазарска титл. *īšā,* за която той предполага, че е “най-вероятно преиначена от **īšad”* [98,162-163].

Твърдението ни за прабългарската принадлежност на титл. *шад* се подкрепя и от хорезмографичния надпис на купата на прабългарски княз отпреди IV в. в Средна Азия: **hunoq šad jqüi ačuq hum** - *Купата, от която да се храни князът на племето хунок* [вж. и срв. Мухамадиев 2008,11-13] [Добрев 2011, 156-157, вж. и срв. Шервашидзе 2015а, 87-88]. При наличието в памирските ирански езици на вах. *xämbak,* но и *γuv* “яма для хранения зерна”, ишк. *хьmbьk,* сарк. *xambak,* още и на пушт. **خمبة** [хамба́] “большая плетеная корзина (для хранения зерна); закром”, тадж. *xanba, xamma,* диал. *хамба, ханбан* “глиняный ящик для зерна, муки; закром”, които имат за основа ир. **γαβα,* а наред с тези още и на фонетически близките лексеми като перс.**کنبد** [гомбäд] “купол, свод”, пушт. **کنبتة کنبد** [гумба́та, гумба́д] [вж. ЭСВхЯз, 189; ПрсРСл-2, 404; ПушРСл, 381,734; СлВхЯз, 293], евентуалният произход на хумба именно и единствено от памирските езици се нуждае от много сериозни доказателства под формата на достатъчно пълна и задълбочена, квалифицирана и прецизна етимологизация, в резултат на която думата може и да не се окаже памироирански, заради фонетичните различия спрямо първата група примери и семантичните различия по отношение на втората група [Добрев 2015, 151]: *С внешней стороны по ободку идет тщательно выгравированная надпись. Хорошо рассматриваемая по репродукции надпись имеет следующее начертание:*

Транслитерация:	*Перевод:*
hunoq s^{a}diqui asük x^{u}m	*Шад Гуннов Хан Асук.*

На чаше изображение всадника отличается простотой оформления одежды без особых признаков царского достоинства, как на изображениях других сосудов подобного рода. На чаше, видимо, действительно изображен шад гуннов Асук, ставший впоследствии (в начале VIII в.) царем Турана и чеканивший под именем Асукджавара свои монеты [Мухамадиев 2015, 32-33].

Tengge "Eski dönemde Türk ve Uygur bölgelerinde kullanılan madeni para" < Tü. tanga, tanga < Skr. tanka, Uyg. tenge, HWC., s. 342 [İnayet 2013, 84].

Специално думата деньга болгарите заемат от сасанидските перси, адаптирайки съгласно фонетичните закони на своя език срперс. *dānɡ* “монета” от стперс. *δανάκη,* по време на миграцията си през Средна Азия I-IV в., където и когато те за първи път започват да секат монети с надписи на согдийски език като *prγ'ļ 'lγ', prγ'r γwβw, pwγ'r γwβw* “български княз” (О. Смирнова), а така също и с надписи на хорезмийска графика, но с персийски синтаксис - *дйабгу-и туран* “ябгу на туранците”, *шадиг-и туран* “князът на туранците”, *шад-и хунуг-и туран* “князът на туранските хуни” [вж. и срвн. Мухамадиев 2008а, 6-13; Смирнова 1981, 252-255; Фасм-2, 499; ЭСЧвЯз-Фед, 207-208].

Преносители на монетосеченето във Волжска България най-вероятно са прабългарите от Именковската Археологическа Култура, които директно мигрират тук от Средна Азия: *Именьковская культура имеет довольно обширную территорию: бассейн реки Белой, Нижнее Прикамье и Среднее Поволжье. Некоторые достаточно крупные именьковские поселения VI-VIII вв., такие, например, как Щербетское на Волге, недалеко от Булгара, с мощным культурным слоем и бронзолитейными мастерскими, где изготовлялись бронзовые слитки - первые металлические деньги Восточной Европы, напоминают уже настоящие раннефеодальные города. Исследовавший эту культуру В. Ф. Генииг справедливо считал, что "именьковские племена, судя по многочисленности и огромным размерам их поселений, составляли основную массу населения Волжской Булгарии" [Генинг В. Ф., 1959, 210].*

Время проникновения художественно выполненных сосудов в Поволжье и Приуралье зафиксировано и нумизматическими данными. Ранние монеты, сопровождающие сосуды, относятся, в основном, к V-VI вв., и появление как монет, так и сосудов, несоменно, связано с образованием сильного союза именьковцев. Например, совершенно редкими являются монеты III-IV вв. [Мухамадиев А. Г., 1990, 34].

Хорезмийские монеты V-VI вв. чеканились в основном из меди и поэтому редко выходили за пределы тех городов, где они выпускались. Тем не менее, сравнительно часто они встречаются в Поволжье и Приуралье.

Более распространенными здесь для V-VI вв.. являются сасанидские монеты. В каталоге А. К. Маркова, например, наиболее ранние из них относятся к чеканке Варахрана V (420-438 гг.). Обнаруженные в последние годы, во время археологических раскопок, сасанидские монеты также укладываются в эти хронологические рамки, т.е. относятся к V-VI вв. Редкими являются сасанидские монеты VII в.

Новые находки позволяют уточнить, когда именно ввоз сасанидских монет становится более интенсивным, и на основе этого сделать определенные выводы о том, когда контакты именьковских племен с Ираном, начавшиеся во время правления Варахрана V (А. Мухамадиев).

Редкими спутниками куфических монет вместе с дирхемами, попадавшими на Русь, были отдельные экземпляры серебряных драхм сасанидских царей Ирана IV-VII вв. На них находится грудное изображение бородатого царя в пышном венце и на другой стороне - жертвенника. Для Восточной Европы и древней Руси они по существу являются памятниками времени куфического обращения. Но в ограниченном районе северо-востока, в Приуралье на Каме, встречаются эти монеты сравнительно чаще и в более ранних находках. Сюда они попадали непосредственно из Ирана ещё до возникновения потока куфических монет. Возможно, что, постепенно притекая в Болгар и надолго оседая в нём, они в основном там и присоединялись к потоку дирхемов, направлявшемуся на Русь (И. Спасский).

Най-ранните си монети волжските българи секат като подражание на сасанидските и арабските дирхеми, на които обаче поставят нумизматичната форма на тамгата на рода Дуло, от който род водят потеклото си някои от племената на Бат-Баян, докато надписът пък се изпълнява с рунически букви: *Another category of objects bears bidental depictions: the Arab coins (dirhams). 13 dirhams of that kind (two of them are presumable) have been inscribed with bidents in the shape of linear images or outlines; they are quite large and occupy all the central part of the coin. Some dirhams were coined long before Svyatoslav's time. Two cases allow the supposition that the bidents were also drawn on them before his time - cf. items 1 and 2 (see the list below). These coins were found in hoards dating from a time before Svyatoslav's reign. Other coins were minted after Svyatoslav's death (cf. items 3, 4, 5). In some cases we can speak of bidents only presumably (cf. items 6, 7), and in three other cases the hoards date back to Svyatoslav's reign, presumably assigning the bidents to Svyatoslav (cf. items 8, 9, 10). In three other cases such a possibility is not excluded either, though the coins were minted before his time (cf. items 11-13).*

1. The oldest coin bearing a bident belongs to a hoard dated from the late 9th or early 10th century, found in Gotland (the most recent coin from this set was minted in 880-885). The bident image is linear. The coin is preserved in Stockholm (fig. 5.1).

2. A coin with an outlined bident (fig. 5.2), from Pogorel'shchinsky hoard, early 10th century (Minsk region, Byelorussia). On the other side there is a banner.

3-4. Two coins with similar linear bidents (minted in 979–980 and in 988–989), in hoards found in the Middle Dnieper area (fig. 5.3 and 5.4).

5. A coin from an unknown hoard, with an outlined bident, coined in 974–975 (fig. 5.5). It has two apertures; it was used as a pendant.

6. A coin from Vas'kovsky hoard (found in Pskov region), hoarded in the early 11th century. It's a Samanid dirham minted in 954-961. Only half of the coin has been preserved and it bears the lower part of what is assumed to be a bident (fig. 5.6).

7. A coin minted about 894, preserved in Stockholm.28 The scratched image can be interpreted as a bident, though it can be an inaccurately drawn trident as well (fig. 5.7).

8. A coin from a hoard buried in Kopiyevka in the Middle Dnieper area (Ukraine, Vinnitsa region) in 950's. The dirham was minted in 911-912 and it bears an outlined bident. On the other side there is a simplified depiction of a drinking horn (fig. 5.8).

9. A coin from a hoard buried in the early 11th century in nowadays Estonia, with an outlined bident (fig. 5.9). The coin was minted in the 10th century. The drawing is uneven, some lines being left unfinished. The dirham has two apertures for hanging; when hung, the sign takes its right position.

10. A coin from a hoard buried in the mid-tenth century, found in Zvenichevo on Middle Dnieper. The bident image is incomplete (the right and the lower parts are missing) (fig. 5.10). The coin was minted in 895-905.

11. A dirham minted in 919-920, preserved in Copenhagen (the place of discovery is unknown). The bident is drawn as an outline. (fig. 5.11).

12. A Samanid dirham coined in 913-914, with an outlined bident. The place of discovery is unknown. The bident image is formed by deep straight lines on the reverse of the coin (fig. 5.12). On the obverse there is a drawing that can be interpreted as a boat stern with a lifted steering oar.

13. A Samanid dirham, minted in 924-925. Found apparently in Sweden and preserved in Berlin. The bident outline is on the right side (fig. 5.13).

The function of these bidents on dirhams cannot be defined precisely. The most convincing explanation is that they served as symbols of state authority. The coins bearing Rurikid signs were

probably related to the milieu of the Great Prince of Kiev and his armed entourage (druzhina). The fact that about a half of all these coins were found in the Middle Dnieper area, and that some of them bear also the 'druzhina signs' – banner depictions, of boats and drinking horns - also speaks in favor of this hypothesis.

Since the time of Vladimir's rule, the first Russian coins – srebrenniks and zlatniks – were marked with tridents (excluding the coins minted by Sviatopolk, whose mark was a bident with a cross) as signs of their use as legal monetary units. The tridents (being at that time the private and patrimonial sign of Rurikids) were used here as symbols of state authority. I. G. Dobrovol'skiy, I. V. Dubov and Yu. K. Kuz'menko supposed that the Russian princes, before minting their own coins, used to mark dirhams with their signs, thus converting them into state units of payment. During Svyatoslav's reign the dirhams were marked with a bident as sign of state authority. This is all the more plausible since 13 out of the 16 known dirhams marked with the Rurikid signs bear bidents, and only three coins are marked with tridents. After the first Russian trident-marked coins issue and circulation, there was no more need to draw these signs on dirhams [Fetisov 2011, 7-9].

Ето и конкретните пътища и условия, при които думата *деньга* се заема от езика на волжските българи към руския език, преминавайки през етапа на двуезичните надписи на монетите: *Ныне мы именуем деньги от персидской древней монеты тинга, которые прежде, чрез болгар и татар получая, употребляли; оные были серебреные, каковые в золотнике находятся по счислению против нынешних близ 16 коп., и серебро чистое, имя же и подпись на них арабские изображены (В. Татищев).*

На рубеже IX-X вв. на территории Восточной Европы прочно утверждается система оживленных экономических контактов, базирующаяся прежде всего на двух основных транзитных торговых путях - Волжском и Днепровском. Развивавшиеся параллельно с активной внешней торговлей потребности внутреннего денежного обращения в уже оформившихся раннефеодальных государствах, через которые пролегали указанные трасконтинентальные водные трассы, поначалу полностью обеспечивались иноземной монетой. Но со временем и здесь стала налаживаться собственная монетная чеканка.

На композиционное оформление монет, впервые выпускавшихся в том или ином центре, естественно, оказывали непосредственное влияние те прототипы, которые на официальном уровне должны были избирать новоявленные эмитенты. Денежные эмиссии, осуществлявшиеся эмирами Волжской Булгарии уже с начала X в., следовали обычному стандарту куфического серебра того времени. При этом булгарские эмиры, сделавшись правоверными мусульманами, заявляли о себе в традиционно оформленных арабских монетных легендах и тем самым выступали как полноправные владетели высокого ранга в иерархии исламского мира.

Серебряные дирхемы саманидского типа первым из них отчеканил между 902 и 907 гг. Алмуш, незадолго до того принявший ислам под именем Джа'фар ибн 'Абдаллах (прибытие ко двору этого правителя посольства из Багдада в 922 г. описано участником этих событий Ибн Фадланом) [Молчанов 2009, 1].

На первых именных денгах Московского княжества стоит на одной стороне имя Дмитрия Донского, но на другой находится татарская надпись, занявшая довольно прочное место на ранних монетах многих выпусков как в Москве с ее уделами, так и в княжествах, расположенных восточнее ее. На более поздних по началу чеканки денгах Тверского княжества, а также Новгорода и Пскова, надписи с самого начала были русские.

Помещение татарских надписей (зачастую бессмысленных или даже нечитаемых) на ранних русских "двуязычных" монетах в прошлом часто рассматривали как прямой результат даннических отношений. В действительности же здесь сказалось прежде всего активное восстановление в новых условиях прочных связей Руси с рынками Ближнего Востока через Поволжье; восточная торговля определила и выбор самого названия "денга".

Уже в начале XV в. вес татарской "денги", чеканившейся в торговых центрах Поволжья, приравнялся к установившемуся весу денги русской, а во второй половине XV в. русская монета вообще занимала господствующее положение на рынках Поволжья. Даже на некоторых монетах Ивана III, чеканившихся в то время, когда о каком бы то ни было вмешательстве в русское денежное дело и речи быть не могло, встречаются татарские надписи: "Это денга московская", "Ибан" (Иван). Но быстрое усиление роли денги как основного средства внутреннего обращения привело к установлению чисто русского оформления монет [Денежная система 2010, 12-13].

Именно поради всичко това тъкмо тази прабългарска дума с облика *тенка* се използва през Средновековието и в югозападнобългарските народни говори, а под формата *тенке* пък тя все още е в най-широка употреба даже и през XV в. не само в Русия, но дори и в сравнително отдалечени от нея несъседни страни на запад, север и изток, особено добре видно от пътеписа на Афанасий Никитин: *А Шабатское пристанище Индейскаго моря велми велико. А хоросанцем дают алафу по тенке на день, и великому и малому. А кто в нем женится хоросанець, и князь шабатскый дает по тысячи тенекъ на жертву, да алафу дает на всякый месяць по пятидесяти тенекъ. Да родится в Шабате шолкъ, да сандалъ, да жемчюгъ, да все дешево.*

А в Пегу же есть пристанище немало. Да все в нем дербыши живут индийскыи, да родятся в нем камение драгое, маникъ, да яхут, да кирпук; а продают же каменье деръбыши.

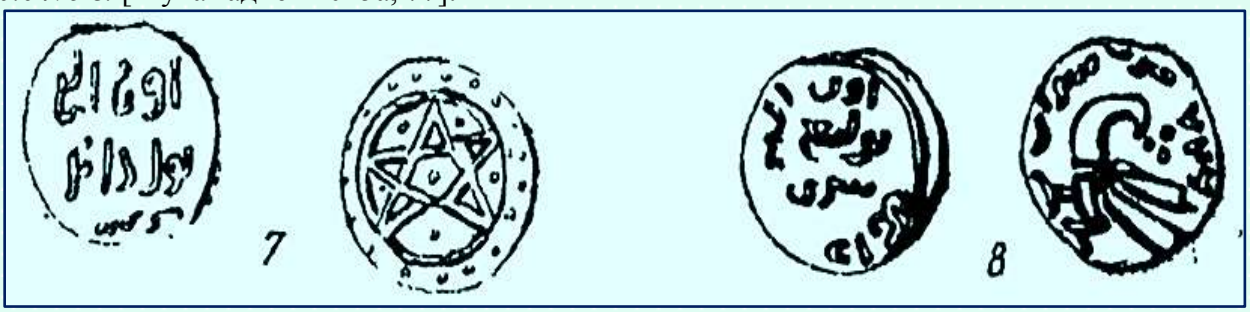
А Чинское же да Мачинское пристанище велми велико, да делают в нем чини, да продают же чини в вес, а дешево. А жоны их с мужи своими спят в день, а ночи жены их ходят спати к гарипом да спят с гарипы, да дают имъ алафу, да приносят с собою еству сахарную да вино сахарное, да кормят да поят гостей, чтобы ее любил, а любят гостей людей белых, занже их люди черны велми. А у которые жены от гостя зачнется дитя, и мужи дают алафу; а родится дитя бело, ино гостю пошлины 300 тенекъ, а черное родится, ино ему нет ничего, что пилъ да елъ, то ему халялъ.

Во Рачюре же родится алмаз бир кона да новъ кона же алмаз. Продают почку по пяти рублев, а доброго по десяти рублевъ, нового же почка алмазу пенечьче кени, сия же чара - шеше кень, а сипит екъ тенка.

А град же взял индийской меликъчанъ хозя, а взял его силою, день и нощь бился з городомъ 20 дни, рать ни пила, ни ела, под городом стояла с пушками. А рати его изгибло

пять тысяч люду добраго. А город взял, ини высекли 20 тысяч поголовья мужскаго и женьскаго, а 20 тысяч полону взял великаго и малаго. А продавали голову полону по 10 тенекъ, а иную по 5 тенекъ, а робята по две тенкы. А казны же не было ничего. А болшаго города не взял [Хожден, 8-12] [Добрев 2011, 326-330].

Одну из сторон монет, чеканенных в Сарае в 721 г.х., украшает пятиконечная звезда, а на другой стороне указан официальный курс медных денег (Приложение, 19б). Надпись اون التى پول دانك - *„Шестнадцать пулов – даник" – содержит указание на соотношение серебряного и медного номиналов (табл. X, 7,8). Даник нам известен. Это 0.76 г. Монеты Узбека весом 1.52 г состояли из двух даников, следовательно, одна серебряная монета разменивалась 32 медными. По весу три серебрьные монеты составляли мискаль в 4.56 г, наименьшей фракцией когорого являлась 1/96 доля – „хабба". Пул по ценности соответствовал хаббе (зерно по арабски) или арпе (ячмень по татарски) серебра весом 0.0475 г.* [Мухамадиев 2015а, 77].



Я уже хотел удалиться, когда хан пригласил меня быть его гостем хотя бы на время моего краткого пребывания в столице и каждый день брать на пропитание две тенге [танга] (около 1 франка 50 сантимов) у его хазнадара57. Я сердечно поблагодарил, произнес последнее благословение и удалился. Когда я спешил домой через оживленную толпу, заполнявшую ханские дворы и базар, все приветствовали меня почтительным "Салям алейкум".

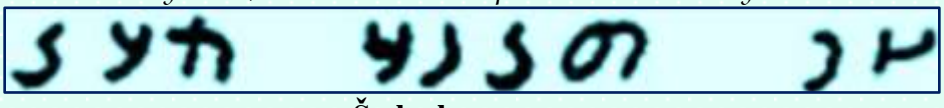
***Налоги** В Хиве существует два вида налогов: а) салгыт, соответствующий нашему поземельному налогу: с каждых 10 танабов (1 танаб равен 60 квадратным локтям)173 годной для обработки земли хан получает ежегодный налог в 18 тенге (10 шиллингов). Воины (нукеры или атлы), улемы и ходжи, или сейиды (потомки пророка), налогов не платят; б) зекат, состоящий в том, что со всякого ввозимого товара взимается 2,5% стоимости, с крупного рогатого скота, верблюдов и лошадей - 1 тенге с головы, с овец - полтенге ежегодно. (Однако этот налог платят только те, кто владеет более чем десятью головами скота, т.е. стадом.) Кроме того, с каждой зарегистрированной лавки платят каждый год 6 тенге.*

Сравнение их с жителями других городов Средней Азии напоминает сопоставление бухарца с лондонцем и парижанином. Меня часто забавляло, как необычайно скромны были желания моих спутников и с каким восторгом они говорили о своей бедной родине. Им представляются слишком роскошными и расточительными не только Рум и Персия, но и Бухара, и, хотя ими управляет народ, отличающийся от них по языку и религии, они все же предпочитают свое правительство, власти трех мусульманских ханств. Впрочем, у них нет причин быть недовольными китайцами. По достижении пятнадцатилетнего возраста каждый из них, за исключением ходжи (потомков пророка) и мулл, платит ежегодный подушный налог в 5 тенге (3 франка 75 сантимов).

Музаффар ад-Дин был как раз в Коканде, когда до него дошло известие о смерти Дост Мухаммеда. Посыльный получил подарок в 1000 тенге, в тот же день был устроен импровизированный праздник, а вечером эмир для пополнения числа своих легальных жен ввел в дом четвертую супругу, младшую сестру Худояр-хана [Вамбери, 10-64].

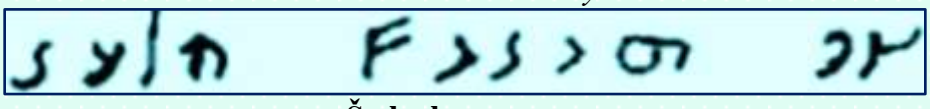
Hunog šad jiqüi ačuk hum

Купата, от която да се храни князът на хуног



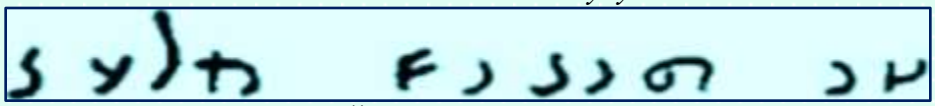
Šad-e hunog tang

Монета на княза на хуног



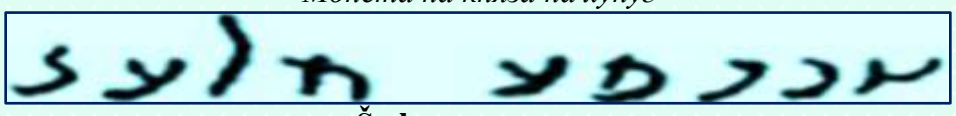
Šad-e hunug tang

Монета на княза на хунуг



Šad-e hunug tang

Монета на княза на хунуг



Šad-e turgan tang

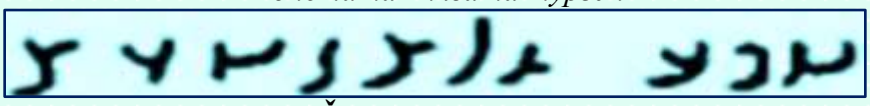
Монета на княза на турган

Šad-e turgan tang

Монета на княза на турган

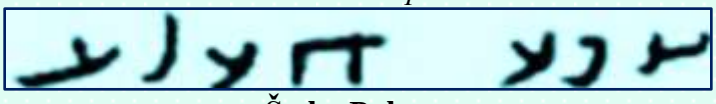
Šad-e turgan tang

Монета на княза на турган



Šad-e Jürkenšäk

Князът на Ургенч



Šad-e Pukara

Князът на Бухара

Етнонимът *хунк-хунгар* в Централна Азия

Българите се появяват откъм Алтай на Монголското плато през 2.205 г. пр.н.е. и така те излизат на историческата сцена най-малко преди 40 века. От тогава, а и по-късно, китайците им дават такива имена като *Ни* 胡 „чужденец; варвар“, рус. „инородец; дальний народ“ [Боровкова 2001, 38], *Xiongnu* or *Hsiung-nu* (Chinese: 匈奴, *Сюйню (Xunyu)* 獯 粥, *Jie* (Цзэ в Русской транскрипции) 桀 (pronounced Chie, roost), *Цзе* 羯, *Сюнну (Xiongnu)* 匈奴, *Хуню (Hunyu)* 荤 粥 χi̯ən/χi̯uən-tiok/tśi̯uk, *Сянюн (Xianyun)* 猃 狁: gli̯am/li̯am-zi̯wən/i̯uĕn и още мн.др. Всъщност всички тези варианти са фонотактическа трансференция и интерпретативна адаптация на българския етним **Huŋ* в множеството китайски говори и диалекти през различни периоди от тяхното историческо развитие.

В най-разнообразни фонетико-семантични варианти и изключително много на брой, всички тези имена са засвидетелствани или пък се споменават главно в древнокитайските летописи, а във вида *Hyaona, Hārahūṇa, Hūṇa* - в древноирански и староиндийски източници [Vaissière 2017a, 4-16], както и в много ранен согдийски документ (W. Henning), най-вероятно от 313 г. (É. Vaissière), а така също и в хотаносакски текстове от IV в. (H. Bailey): *Термин ху как наименование скотоводческих племен, живших не только в ордоской излучине Хуанхэ, но и к западу и востоку от нее - от Ганьсуского коридора до Ляодуна, известен со второй половины IV в. до н.э. и, вероятно, сразу, начиная с позднечжоуской традиции, носил обобщенное значение (Васильев К. В., 1998. С. 215, карта; Боровкова, 2001. С. 37-42). Как хорошо известно, так было и в раннем средневековье, когда ху служило в устах китайцев и названием народа тюрков, и ираноязычного населения Средней Азии, более всего согдийцев. Возможно, поначалу слово ху означало «дальний народ» (Боровкова, 2001. С. 38)* [Кызласов 2017, 22].

Как пишет Ф. Хиртц, под этим именем или его различных вариантах выступал в истории Китая один и тот же народ с названием гунны или гунну. Император Китая Ханти в 2700 году д.н.э. воевал против них, которых китайцы называли тогда гун-ю. Позднее они стали их называть как гиен-юнь, затем уже в 3-ем столетии д.н.э. начали употреблять название гиен-ну. Корень Гуни или Кун затем будет встречаться в различных сочетаниях для древних предшественников Аттилы.

Из комментариев Цао к «Трудам весны и осени» Конфуция в 689 г д.н.э. мы можем прочитать, что «варварские собаки» или по-китайски куан-юнг, были побеждены. В 1138 г д.н.э. китайский император Вон-ван победил одно из племен, населяющих современный Ордос, носило название куан, кун или гун. Великий китайский философ Менси благодарит Вон-ван за его мудрость, с каковой он «служил» Кун варварам. «Нужно быть совершенно

целомудренным королем», сказал он, «чтобы с великой страной служить малой стране, как Кин Таи (дед Во-ван, 1327 г д.н.э.) служил Гюнь-ю.» [Паркер 2010, 81-82].

*The **Xiongnu** or **Hsiung-nu** (Chinese: 匈奴; Old Chinese reconstructed IPA: q^{h}oŋ naː) were an ancient nomadic-based people who formed a state or confederation located north of China. Most of the information on the Xiongnu comes from Chinese sources and what little is known of their titles and names comes from Chinese transliterations of their language.*

Chinese sources from the 3rd century BC report them as having created an empire under Modu Chanyu, the supreme leader after 209 BC. This empire stretched beyond the borders of modern-day Mongolia. After defeating the previously dominant Yuezhi in the 2nd century BC, Xiongnu became a dominant power on the steppes of central and eastern Asia. They were active in regions of what is now southern Siberia, Mongolia, Southern Mongolia, Gansu and Xinjiang. Relations between early Chinese dynasties and the Xiongnu were complex, with repeated periods of military conflict and intrigue alternating with exchanges of tribute, trade, and marriage treaties [Xiongnu 2014, 1-13] [Добрев 2017, 3-5].

Нас больше всего интересует то племя, которое кочевало к северо-западу от современной провинции Шэньси. Это было вполне реальное племя, совершавшее набеги на владения государств Инь и Чжоу. По мнению большинства ученых, племя гуйфан, а также племена хуньи, сюньюй, сяньюнь и другие, упоминавшиеся в разное время, являются одним и тем же народом, ставшим широко известным в более позднее время как сюнну /Очерки..., 1959, с. 31/ [Малявкин 2012, 21-326].

This would certainly apply to the Khanui and Khunui valleys, in which monumental grave mounds of older date (Allard/Erdenebaatar 2005) and two of the very rare cemeteries of the Xiongnu with numerous terrace tombs ascribed to the elite are present (Mongolie 2003; Allard et al. 2002; Miller et al. 2006). Furthermore, located in the Khunui valley are the well-known burial grounds of the Xiongnu at Naimaa Tolgoi with more than 20 graves (most recently: Xiongnu tombs 2008, 85 pp.; Erdelyi 2000, 33 pp.; 147 Fig. 30).

Similarly, the number and quality of deer stones found in the Khanui, Khunui and Tamir valleys far surpass the three examples known until now in the upper Orkhon valley25. Judging from the hitherto known number of monuments, it is therefore probable that an important center of the Xiongnu existed in the Khanui and Khunui valleys. Both valleys belong to the mountain forest-steppe zone, which extends along the Selenge river as far as Buriatiia and in which the majority of Xiongnu period cemeteries and – with the exception of Takhiltyn Khotgor – all of the terrace tombs are located (Fig. 15) [Bemmann 2017, 441-457].

Даже во времена мудрых и высокоодаренных мужей, при правителях, обладавших огромными добродетелями, никто не мог руководить ими с помощью благотворного влияния, привлечь на свою сторону с помощью милостей и добродетелей. Когда они были сильны, иньский император Гао-цзун устал от гуйфанов, чжоуский Вэнь-ван страдал от

куньи и сяньюнев, [ханьский] император Гао-цзу попал в трудное положение на горе Байдэн, императору Сяо-вэню пришлось расположить войска в Башане [Сюаньлин, 1-9].

По свидетельству Сыма Цяня, “на следующий год [Вэнь-ван] пошел походом на цюаньжунов” [26, гл. 4, л. 5-б]. Цюаньжуны – одно из северозападных племен. Они называются также *цюаньи* или *куньи*.

Среди народов, когда-либо живших на территории современного Китая была династии Ся 夏 (Xia, pronounced Sha, summer/great). Она была основана легендарным Великим Юем 大禹 (pronounced Yuy, no semantical meaning), по Китайским историкам, в 2,205 г. до н.э. и сохраняла свою власть до 1765 г. до н.э. На основе легенды еще существующей в его время, Сима Цянь (Sima Qian) записал, что Хунну (Xiongnu) были потомками Ся. Легенда такова.

Jie (Цзэ в Русской транскрипции) 桀 (pronounced Chie, roost), последний правитель Ся вел ужасно неприличный образ жизни, из-за чего он был свергнут с престола и Тан (Tang) 汤 из племени Шан (Shang) 商 сверг его Дом. Шан основал новую династию и изгнал Цзе (Jie) на север в Мингтяо (Mingtiao). После трех лет в изгнании Цзе (Jie) умер, и по обычаю его сын Чунвей (Chunwei) 淳 维 [2] женился на женах своего отца, освободив их и весь клан от изгнания и уведя их далее на север, где они начали пасти. Таким образом он, сын последнего правителя Ся, стал родоначальником Сюнну (Xiongnu).

Как организованная сила Сюнну (Xiongnu) вернулись с севера в только третьем веке, усиленные и разросшиеся к тому времени, и начали нападать на Срединное Царство (We can note in this excerpt the levirate custom special for the Türkic traditions; ascent to the throne via marriage to the Queen, particular for the Türkic dual marital dynastic traditions; the name of the nomadic Türkic Saka tribe under the name of the Xia pronounced Sya; and the name of the nomadic Türkic Kiyan tribe under the name of the Jie, which is defined as a splinter of Kiyans. The pastoral nomadism of the Jie/Xia/Xiongnu/Huns is specifically stated in the excerpt).

2 Чунвей: Chunwei 淳維 dịwən/źịuěn or tịwən/tśịuěn-dịwər/ịwi. GS: 464e. и 575o.

Чжан Ен (Zhang Yen) пишет в Соинь (Suoyin) (Руководство о Скрытых Значениях), комментарий 8-го века: “В эпоху Цинь (Qin 221 BC–206 BC) Chunwei бежали к северным границам”.

По данным Ле Янь (Le Yan), Сюнну (Xiongnu), упомянутые в Гуадипу (Guadipu) (Родословные по Территориям, давно утраченной книге цитируемой в вышеупомянутой Соинь (Suoyin)) на самом деле говорит о Ся, так как пассаж в Гуадипу (Guadipu) гласит следующее: “Цзе (Jie), (правитель) Дома Ся вел безнравственный образ жизни. Тан (Tang) изгнал его в Мингтяо (Mingtiao), он умер спустя три года. Его сын Сюйню (Xunyu) 獯 粥 женился на его женах, и в поисках пастбищ они удалились далеко к северной пустыне, а затем в Срединном Царстве их упоминали как Сюнну (Xiongnu) 匈奴”.

Принимая во внимание стройность исторических данных в указанных источников, и на том основании, что в эпоху Инь (Yin) (1,401-1,122 гг. до н.э.) был северный диалект слова Чунвей (Chunwei) 淳維 соответствующий Сюйню (Xunyu) 獯 粥, можно сделать вывод, что две разновидности должны означать то же имя. По этой причине Ин Шао (Ying Shao) писал в Фэнсудун (Значение Народных Традиций в Ин Шао (Ying Shao), 140-206 н.э.): “Имя Сюйню (Xunyu) 獯 粥 эпохи Инь (Yin) было преобразовано в Сюнну (Xiongnu) 匈奴”.

Фу Цянь (Fu Qian, 2nd century AD commentator) придерживался следующего мнения: “Во времена Яо (Yao) (2,356-2,255 гг. до н.э.) их имя было Хуню (Hunyu) 荤 粥 [5], в эпоху Чжоу (Zhou) (1,122 - 255 гг. до н.э.) оно было Сянюн (Xianyun) 猃 狁 [6], под властью Цинь (Qin) (255-207 г. до н.э.) оно было Сюнну (Xiongnu).” Как Вэй Чжао (Wei Zhao, chief editor of the official Book of Wu, 204–273) комментировал: “Во время Хань (Han) (206 г. до н.э.-220 г. н.э.) они были названы Сюнну (Xiongnu) 匈奴, и Хуню (Hunyu) 荤 粥 просто другое название для

тех же людей, и аналогично, Сюйню (Xiuyu) 獫粥 является еще одной транскрипцией для Чунвей (Chunwei) 淳维 , имени их предков."

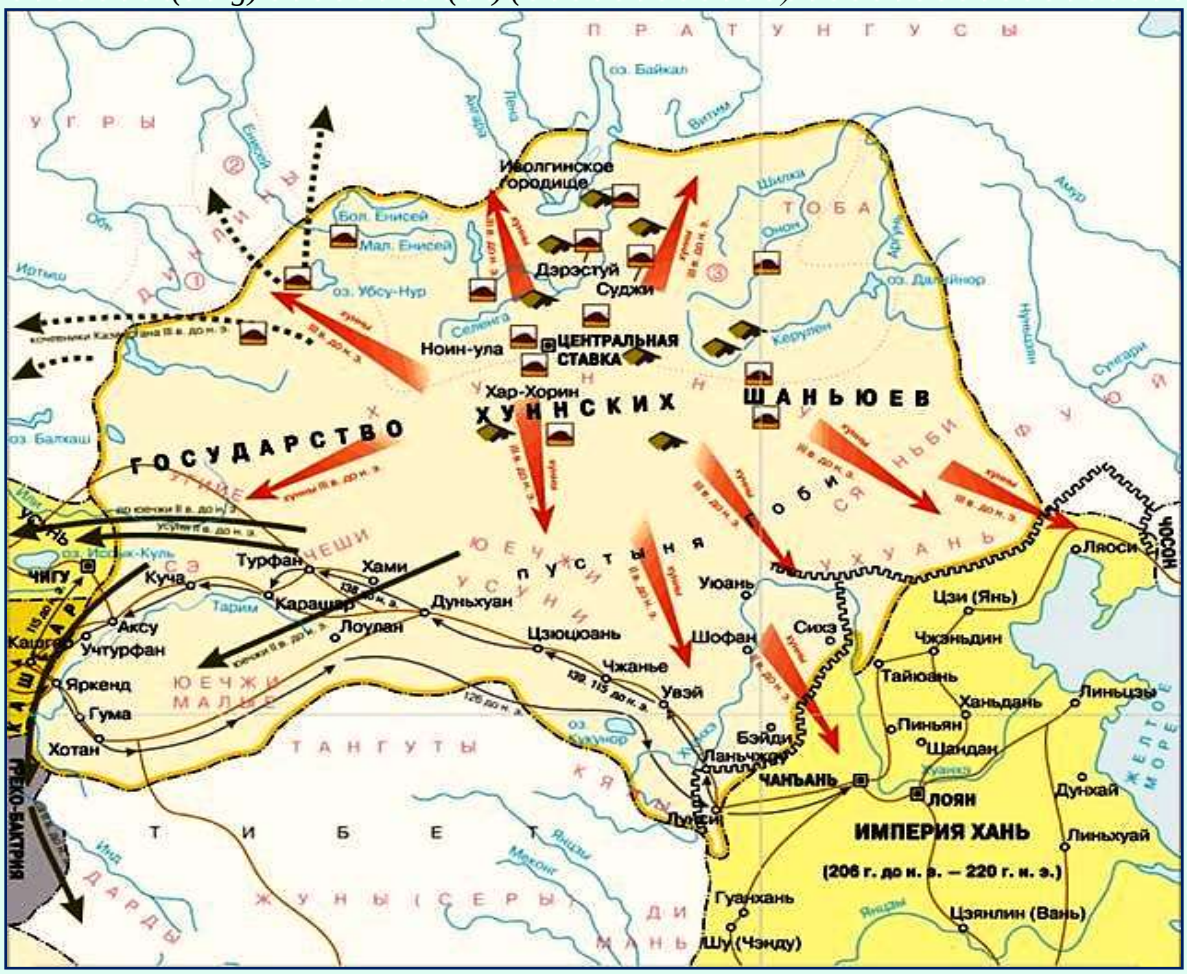
3 Сюйню (Xiuyu) 獫粥: χi̯wən/χi̯uən-tiok/tśi̯uk or di̯ok/i̯uk. GS: 461g. и 1024a

4 Мы можем даже зайти дальше, склоняясь к предварительному мнению, что Чунвей (Chunwei) 淳维, Сюйню (Xunyu) 獫粥 и Хунну (Xiongnu) 匈奴 когда-то должны были быть одним и тем же именем в различных диалектах.

5 Хуню (Hunyu) 荤粥: χi̯ən/χi̯uən-tiok/tśi̯uk GS: 458h. и 1024a.

6 Сянюн (Xianyun) 猃狁: gli̯am/li̯am-zi̯wən/i̯uĕn GS: 613k. и 468g.

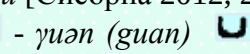
А согласно данным Сима Цяня (Sima Qian), Сюнну (Xiongnu) 匈奴 были упомянуты в качестве Шаньжун (Shanrong) 山戎[8] (Wade-Giles Shanjung), Xianyun 猃狁 и Hunyu 荤粥 в эпохах от Тан (Tang) до эпохи Юй (Yu) (2205-1766 г. до н.э.).



Кратко суммируя выше данные источники и комментарии, они утверждают, что некие племена или правящие кланы занимали территории южной части современной провинции Шаньси и западную часть современной провинции Хэнань еще несколько сотен или даже тысяч лет до нашей эры, и названия этих племен или кланов описывают тех же людей, т. е. Сюнну (Xiongnu), или Азиатских Хуннов, как их называют сегодня. Есть несколько причин для разницы между именами. Во-первых, в соответствии с существующим обычаем правящих кланов и династий, имена претерпели значительные изменения в ходе последовательных эпох; во-вторых, слишком много было диалектов на очень обширной территории; в-третьих, до царствования первого императора Цинь (Qin) Ши Хуанди (Shi Huangdi) (221-206 гг. до н.э.) унификация письменности не была завершена, так что до этого времени каждое княжество имело свой собственный способ записи; и

наконец, в однослоговой системе Китайского языка одно то же имя может быть записано различными символами.

Все записи источников приведенных выше, однако, мы должны рассматривать с оговорками, тем более что период исследования охватывает тысячи лет. На протяжении тысячелетий племени или нации должны пройти через много изменений, и было бы неразумно явно ставить знак равенства между теми о которых записи говорят, что даже уже в втором тысячелетии до н.э. они были народ Сюнну (Xiongnu) под разными именами и Азиатскими Хуннами периода Хань (Han). Мы скорее должны сказать, что вероятно они были родственны по происхождению. Хорошим примером является вышеупомянутая запись ранней легенды, согласно которой последний правитель Ся (Xia), чья первоначальная родина была в каком-то месте современных провинций Шаньси и Хэнань, был изгнан на север, и когда он умер, его сын, Сюйню (Хипуи) 獯粥, вместе со всем своим кланом, удалился дальше на север. Это было событие, когда племя очевидно ответвилось и развивалось по другому пути [Сисорна 2012, 2-5].

Хунь 渾 *- γиэп (guan)*  *(Kün). Трактовку этого термина мы даем в другом месте (Тр. Ин-та истор. АН КиргССР, вып. 4 p. 169-170, См. также H.W.Bailey, A khotanese text concerning the Turks, p. 48, J. R. Hamilton, Указ.соч.,p. 2, P. Pelliot et L. Hambis, Указ.соч., 1, p. 63, 110, J. Nobel Central Asia - the connecting link between East and West, Nagpur. 1952, p. 7-9, V. Minorsky, Marvazi, p. 29, J. Marquart, Указ.соч, p.52 -54, 59, 70, 74).*

По нашим данным, Китайской передаче Хунь (вар. Сюн, Сюнну, Кунь Кунь-у Хунь-у, производные: Кунь-се, Хунь-се) в древне-Тюркских языках соответсвует термин kün, γün (gün) "племя, народ". Его эквивалентные передачи в других языках: Хионит (Средне-Персидское "принадлежащий к Гün - Хионам"), Куонайе (Kün), Хотанск. Хуна, Греч. Хуни (Фуни, Фауны, Кунны), Латинское Гунны (унны, уны), славянск. Ун (вар. Кун), Арабское, Венгерское, Команское Кун, Уйгурское и Калмыкское Kün, и т.д.

Вместе с тем эти племена имели и другие названия: Гунны-Усуни, Гунны-Агач-эри, Гунны-Киркуны, Гунны-Табгач, Гунны-Он-ок, Команы, Гунны-Йомуты, и т. д. Иными словами, термин kün (Гунн) служил для обознчения определенных родовых и племенных организаций и включал в себя понятие "рода" или "племени", связанного единством етнического происхождения.

Такая интерпретация термина, как кажется, только и может объяснить наличие большого числа древне-Тюркских племен, известных под названием Гунских.

В данном случае термином Hun-Gün обозначалось Гунское племя, имевшее самоназвание (или его Китайский перевод) Лань (отсюда двоякое название округа: Лань-чжоу = "Ланьский округ", "округ племени Лань" и Хунь-чжоу = "Гуннский округ". Поэтому же племена данного района с 3 в. до н.э. и вплоть до 8 в. н.э. сохраняли наименование Хунь-се (Künsig = "Гуннский", "Günnish") (E.G. Pulleyblank, A geographical text of the 8-th century. Silver jubilee volume of the Kyoto University, Kyoto, 1954, p. 305) [Зуев 2017, 2-45].

Произход на етнонима *хунк-хунгар*

Етнонимът самозвание **Huŋ* на основно-главното прабългарско племе възниква и се образува на основата на индоиранската лекс. **kuŋ* „куница“. Поради това, че през втората половина на III хил. пр.н.е. българите афанасиевци в Минусинската котловина се препитават главно като ловци и на това животинче и според индоиранците андроновци са придобили някои негови качества, то те започват да ги наричат kuŋ, т.е. куници. С инфилтрирането на неголяма група индоиранци в местните българи, индоиранската лекс. **kuŋ* „куница“ преминава в техния език под формата на лекс. **huŋ* „куница“, на основата на която възниква и се развива и тяхното самоназвание **Huŋ*, мн.ч. *Huŋar* [хунгар]. Други индоирански думи, преминали в българския език по това време, са *барс, верени, вагър* „вол“ и др.

Съответствие на индир. **kuŋ* „куница“ в индоевропейските езици е лит. *kiáunė,* латв. *caũna,* прус. *caune.* Под формата *хунь* и със значението „белка“, българската дума е засвидетелствана и в древнокитайските летописи (В. Таскин). Не съответствие, а продължение на бълг. **huŋ* в тюркските езици са башк. *кўнў,* тат. *кўны/қыны*, хак. *хуну,* шор. *қуну*, *кунучак,* кирг. *қуну* „куница; росомаха; бобр“. Директно-пряка вътрешноинтегративна заемка от прабългарския в българския език е стб. **коуна** „кошка, куница; мелкая монета“; **коуна, кѫна, коунь** „куній мѣхъ (обыкновенно во множественном числѣ); „шкурка куницы, имѣвшая значеніе денегъ“; „денежная единица, мелкая монета“; **коуница** „куница; кошка“, „куній мѣхъ, употреблявшийся вместо денег при мѣновой торговлѣ, денежная единица, особая подать (куница новоженная, сборная, закладная, явленная и др.)“; **коунъı** „вообще драгоцѣнные мѣха; деньги“, което в източно- и западнославянските диалекти най-напред преминава от съседните прабългарски говори, а по-късно и чрез църковно-религиозната книжнина като рус. *куна́* „куница – зверек Mustela“; струс. *куна* „денежная единица, равная 1/22 гривны, первонач. означало куний мех, стоящий 1 диргем“; мн.ч. *куны* „деньги“; укр. *куна́,* срхърв., слов., чеш., пол. *ку́на* „куница; мех куницы; определенная форма платы“.

В Източна Европа, включително и на Балканите, прабългарите хунгари донасят не само лова на куници, но и търговията с тяхната кожа (М. Казанский), която се оказва много търсена и ценна. Затова с течение на времето тази кожа започва да играе ролята на парична единица, навсякъде и от всички приемана и използвана валута, дотолкова, че дори и когато бива заместена от металните пари и излиза от обращение, самата дума се ресемантизира и превръща в наименование на съответната национална валута [вж. и срв. Абрамзон 2012, 33; Сравнительно-историческая грамматика 2001, 156-157,430-440; Таскин 1984, 307; Щербак 2018, 98-99,139-144,439-440; ЭСТЯз-к, 148; СлДСЯз, 351; Фасмер_2, 417]: *В данной работе предпринята попытка археологического комментария к известному сообщению Иордана о меховой торговле хунугур/оногур. Напомним, что в его «Истории готов» только два народа упоминаются в связи с меховой торговлей - скандинавские суэханс, от которых мех попадает в Империю благодаря посреднической торговле (Иордан. Getica, 21,22, см. подробнее Казанский, 2010а; Казанский 2016а) и гунны-оногуры/хунугуры, торгующие pellium murinarum (Иордан. Getica, 37) 1 . В pellium murinarum французский переводчик Иордана видит куницу (Jordanès, Histoire des Goths, 37), а Е. Ч. Скржинская - степных грызунов (Иордан. Getica, 37). Торговля шкурками степных грызунов в значительных масштабах вряд ли возможна, по крайней мере, ни какими другими источниками античности и средневековья она не засвидетельствована. Совершенно очевидно, что и хунугуры торговали шкурками не степных сусликов и мышей-полевок, а выступали в качестве посредников в трансевропейской меховой торговле между Севером и Югом.*

Это далеко не единственный случай участия степных народов в меховой торговле. Об обилии пушнины у кочевников прямо говорят средневековые источники (см. напр. Нунан, 2004. С. 276), при том, что отсутствие значительного количества «промышленого» меха

в степи очевидно. Скорее всего он перекупался или забирался (дань, грабеж) у населения других территорий. Общеизвестно, что районом добычи мехов в Восточной Европе в I тыс. н.э. была исключительно лесная зона. Судя по остеологическим данным, а также по сообщениям более поздних письменных источников, промысловый характер пушная охота имела у населения Вятско-Камского междуречья, Верхнего Прикамья, Волго-Окского бассейна (Казанский, 2010а. С. 108, 109). Также не вызывает сомнений, что в эпоху хунугуров, как и ранее, в позднеримское время (напр. Kazanski, 1992), или позднее, в эпоху Киевской Руси (см. напр. Даркевич, 1976. С. 163, 164, Табл. 52, 53), основными магистралями торговли с лесной зоной служили большие реки (Казанский 2016б). Чтобы участвовать в такой торговле оногуры должны были контролировать одну из крупных речных магистралей степного Причерноморья, идущих из лесной зоны - Днепр или Дон.

Известие Иордана о хунугурах помещено в контекст географического описания Скифии, отражающего ситуацию между 480-481 (приход болгар в Северное Причерноморье) и 527 (продвижение антов от Днепра к Дунаю) гг. (Казанский, 2014. С. 76-78). Сами хунугуры появляются в Причерноморье к 463 г., когда коалиция сарагур, урогов (угров) и хунугур изгоняет отсюда акацир (см. подробнее: Засецкая и др., 2007. С. 102-105; Казанский, 2016а. С. 96-98). Хунугуры Иорданом не локализованы (Иордан, Getica, 36, 37). Зато у Равеннского Анонима (конец VII-начало VIII вв.), использовавшего описание Скифии Иордана (Аноним сам об этом говорит), страна Оногория находится по соседству с верхней точкой Меотийского болота (Равеннский Аноним, IV.2; см. Подосинов, 2002. С. 162). На этом основании хунугуров принято размещать в Северо-Восточном Приазовье, близ устья Дона (подробнее см. Засецкая и др., 2007. С. 107; Казанский, 2016а, там же библиография вопроса) 2.

Видимо близ устья Дона находились и центры власти у оногур, о чем свидетельствует находка «княжеских погребений» постгуннского времени в Морском Чулеке (Засецкая и др., 2007; Казанский, 2016а). Обычно места резиденции знати являются и центрами сосредоточия торговли. Однако такой важный центр как Танаис исчезает в 450-460 гг., где самые поздние слои погребения не заходят далее 450-460 гг. (см. обзор: Kazanski, 2009. P. 171-181; Обломский, 2010, там же подробная библиография). Причину его исчезновения

надо видеть скорее всего в изменении политической ситуации на Нижнем Дону около 463 г. или чуть ранее, когда сарагуры, уроги и хунугуры громят акацир.

С учетом нижнедонской локализации хунугур в эпоху Иордана наиболее естественными путями доставки пушнины к устью Танаиса являются речные пути по Дону и Волге (до места ее наибольшего приближения к Дону) (Засецкая и др., 2007. С. 106; Kazanski, 2010. P. 225, 226; Казанский, 2014. С. 77). Поэтому можно с большой долей уверенности предполагать, что хунугуры торговали мехом, полученным из лесной зоны Восточной Европы, либо по Волге, либо по Дону. Донской путь реконструируется для поздней античности и раннего средневековья по находкам боспорских монет III-IV вв. в бассейне Верхней Оки и Верхнего Дона, достаточно редких в восточноевропейском Барбарикуме (Kazanski, 1992. P. 96, note 114; Бейдин, Мызгин, 2015; Мызгин, 2015), по распространению стеклянных бус эпохи переселения народов (Мастыкова, Румянцева, Егорьков, 2006) или по кладам диргемов IX в. (Даркевич, 1976. С, 146, 147, 153, табл. 50.II; Нунан, 2004. С. 259). О существовании очень древнего пути по Дону может свидетельствовать и античная письменная традиция, согласно которой по Дону можно было попасть в Северный Океан (Джаксон и др., 2007. С. 35-49; Podossinov, 2008). Видимо о о том же говорит и «Географическое руководство» Птолемея, где перечисляется севера на юг список народов 3, начинающийся на Балтике и заканчивающийся на Дону (Казанский, 2010а. С. 111; Казанский, 2010б. С, 124, 125). Показательно, что Донской путь «упирается» в регион активной добычи меха в Окском бассейне (Даркевич, 1976. С. 153).

При этом дата погребения - 380/400-440/450 гг. (скорее, по наличию «крапчатых» бус заключительная часть этого периода) - явно раньше 463 г. Можно смело предполагать, что оседлое население Верхнего Дона служило промежуточным звеном в поступлении северного меха к нижнедонским хунугурам. Итак, мех, которым на Меотиде торгуют оногуры скорее всего поступает к ним от оседлого населения из лесных территорий к северу от Дона, т.е. из бассейна Верхней Волги и Оки [Казанский 2018, 218-223].

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

(С изключение на файловете пидиеф, заглавията от Интернет
се цитират със страницата от личния презапис и годината на презаписване)

Ц И Т И Р А Н А Л И Т Е Р А Т У Р А

Абрамзон С. М., Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Интернет, 2012.

Бернштам А. Н., Очерк истории гуннов. Интернет, 2012.

~*~Очерк истории гуннов. Интернет, 2013.

Голубинский Е., Краткій очеркъ исторіи **православныхъ церквей** болгарской, сербской и румынской или **молдо-валашской.** Интернет, 2010.

Добрев Ив., Златното съкровище на българските ханове от Атила до Симеон. София, 2005.

~*~Българите за руския народ, държава и култура. София, 2011.

~*~Българите и Великата китайска стена, ч. 2. Българите по земите на Централна Азия. - Bulgarian Names of Eastern Origin. Internet, 2017.

Зуев Ю. А., Тамги лошадей из вассальных княжеств. Интернет, 2017.

История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Интернет, 2016.

Казанский М. М., Приазовские хунугуры, меховая торговля и водные пути. Интернет, 2018.

Кызласов И. Л., Алтаистика и археология. Интернет, 2017.

Малявкин А. Г., Танские хроники о государствах Центральной Азии: Тексты и исследования. Интернет, 2012.

Москов М., Именник на българските ханове (Ново тълкуване). София, 1988.

Паркер Е. Г., Тысяча лет из истории татар. Интернет, 2015.

Ртveладзе Э., Цивилизации, государства, культуры Центральной Азии. Интернет, 2011.

Сисорна К., Хунны и Тюрки : Huns and Türks. Интернет, 2012.

Сотиров Г., Новите данни. Интернет, 2018.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. Москва, 2001.

Таскин В. С., Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. Москва, 1984.

Толстов С. П., По следам древнехорезмийской цивилизации. Интернет, 2015.

Щербак А. М., Названия домашних и диких животных в тюркских языках. Интернет, 2018.

Akbulut D. A., Akhunlar (Kionit/Hyon) ve Eftalitler Çağında Maveraünnehir ve Horasan'da Türkler. İnternet, 2016.
Atwood Ch., Huns and Xiōngnu: New Thoughts on an Old Problem. Internet, 2016.
Bemmann J., Was the Center of the Xiongnu Empire in the Orkhon Valley? Internet, 2017.
Errington E., Differences in the Patterns of Kidarite and Alkhon Coin Distribution at Begram and Kashmir Smast. Internet, 2019.
History of Civilizations of Central Asia. The crossroads of civilizations: A.D. 250 to 750, Volume III. İnternet, 2013.
Lurje P.B., "Shapur's Will" in Bukhara. Internet, 2012.
Vaissière É., Sogdian Traders. A History. Internet, 2017a.

И З Т О Ч Н И Ц И

АрмАтл - Армянский атлас. Ереван, 1968.
ЭСТЯз - Этимологический словарь тюркских языков-а-с. Интернет, 2014.
Каланкатуаци - Мовсэс Каланкатуаци, История страны Алуанк. Ереван, 1984.
ПТСл - Понятийно-терминологический словарь. Интернет, 2018.
СлДСЯз - Словарь древнѧго славѧнскаго ѧзыка, составленный по Остромирову Евангелію. С.-Петербургъ, 1899.
Сюаньлин - Фан Сюаньлин, История династии Цзинь, ч. 1-2. Интернет, 2012.
ТСХМКр - Бутанаев В. Я., Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. Интернет, 2018.
Фасмер - Фасмер М., Этимологический словарь русского языка, т. 1-4. Москва, 1986-1987.
Justi - F. Justi, Iranisches Namenbuch. Internet, 2010.
Sebeos - Sebeos' History. Internet, 2010.

С Ъ К Р А Щ Е Н И Я

алан. - аланско
бактр. - бактрийско
башк. - башкирско
болг. - болгарско
букв. - буквално
бълг. - българско
в. - век
вж. - означава съгласие, приемане, одобрение, споделяне, даже и заимстване
гр. - град
гръц. - гръцко
дноблг. - дунавскоблгарско
етним - етноним
жлим - женско лично име
зв. - звук
индир. - индоиранско
кирг. - киргизско
латв. - латвийско
лекс. - лексема
лит. - литовско
мн.ч. - множествено число
обл. - облик
ойкним - ойконим
пехл. - пехлеви
пол. - полско
прус. - пруско
рус. - руско
слов. - словенско
срв. - при цитираната литература означава несъгласие, неприемане, отхвърляне и отричане, а при примерите - само сравняване или съпоставяне
срперс. - средноперсийско
срхърв. - сърбохърватско
стб. - старобългарско
струс. - староруско
суф. - суфикс
тат. - татарско
тмандж. - тунгузо-манджурско
тюркут. - тюркутско
укр. - украинско
хак. - хакаско
чеш. - чешко
чув. - чувашко
шор. – шорско

В латинизираната си форма *Ungari*, етнонимът *huŋar* като наименование на основно-главното прабългарско племе от империята на Атилла, е засвидетелстван върху каменен надпис от 477 г. на римския император Одоакър. Племето на хан Аспарух има самоназвание *Huŋ-Huŋar*. На тази основа, в Европа се образуват имена на градове, народи, държави и лица като *Хунг, Хунгвар, hungar, вангар, Hungary, Kun, Хунаракерт, Хумара* и др.

В Средна Азия българите поставят началото на Великото преселение на народите. Хионитите и ефталитите секат монети, строят градове, сключват с персите династични бракове. Монетите, които князете на хионитите секат, и съдовете, които им подаряват, се надписват с етнонима *Hunug*.

В Централна Азия китайците дават на българите имена като *Hu, Xiongnu, Xunyu* и др. Всички те са варианти в китайските говори и диалекти на прабългарския етноним *Huŋ-Huŋar*.

Прабългарският етноним *Huŋ* се образува на основата на индоиранската лексема *kuŋ*. Той има продължения в тюркските езици и е зает и в езиците на Източна Европа.

In its Latinized form *Ungari*, the ethnonym *Huŋar,* as the name of the main Protobulgarian tribe of the Empire of Attila, is testified on a stone inscription from 477 by the Roman Emperor Odoakar. Khan Asparuh's tribe has the name *Huŋ-Huŋar.* On this basis, the names of cities, peoples, states and individuals such as *Hung, Hungar, hungar, Vangar, Hungary, Kun, Hunnarakert, Humara* and others are formed in Europe.

In Central Asia, the Bulgarians set the beginning of the Great Migration of the Nations. The Chionites and Ephthalites cut coins, build cities, conclude with the Persians dynastic marriages. The coins that the princes of the Chionites cut down and the vessels they are given are inscribed with the ethnonym *Hunug*.

In Inner Asia, the Chineses gave to the Bulgarians names such as *Hu, Xiongnu, Xunyu* and others. All they are variants in the Chinese dialects of the Protobulgarian ethnonym *Huŋ-Huŋar.*

The Protobulgarian ethnonym *Huŋ* is formed on the basis of the Indo-Iranian lexema *kuŋ*. It has continuants in the Turkic languages and is it also borrowed in the languages of Eastern Europe.